

А. Шевцов

СЛУЧАЙНЫЕ МЫСЛИ О ТОМ,
КАК НАУЧИТЬСЯ
ДУМАТЬ

Александр Александрович Шевцов

Случайные мысли о том, как научиться думать

epub

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38975291

Издательство "Роцца"; 2018

ISBN 978-5-990-556-41-6

Аннотация

Я потратил достаточно сил и времени, чтобы исследовать, что такое разум, из каких частей состоит и на каких основаниях работает. Теперь, мне кажется, пришло время попробовать понять, как я думаю и как можно думать лучше. Весь мой опыт показывает, что это не просто вопрос поиска приемов или даже иных принципов. Разум – не память, которую можно улучшить, проделав какие-то упражнения. И не искусство поиска неординарных подходов. Он и так постоянно достраивает себя, создавая новые орудия как свои собственные части. Все виды научной организации труда, рационализации и изобретательства дают новые плоды работы разума, но не меняют его самого. Весь мой опыт говорит: улучшить работу разума можно, лишь поменявшись настолько, что это либо превращение в иное существо, либо смена мира. Разум работает на основе образа

мира, поэтому переход в лучший мир улучшает и человека, и его разум. Возможно ли такое?

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Введение	10
Глава 1. Успешность думания	11
Глава 2. Воображаемый эксперимент	15
Глава 3. Расширение сознания	20
Глава 4. Преодоление себя	25
Глава 5. Выбора нет	30
Глава 6. Пространство преодоления себя	37
Глава 7. Внутренний огонь	42
Глава 8. Древняя йога	49
Глава 9. Преображение	54
Глава 10. Иной мир	59
Глава 11. Работа разума	62
Часть вторая	70
Глава 1. Рассеянность	72
Глава 2. Внимание и разум	77
Глава 3. Ясность сознания	82
Глава 4. Видеть главное	87
Глава 5. Простые задачи	91
Глава 6. Странности	95
Глава 7. Безымянное	98
Глава 8. Живущие в сознании	104

Глава 9. Главное в сумерках	109
Заключение	114
Часть третья	115
Глава 1. Книга мира	118
Глава 2. Исходная задача	123
Глава 3. Что взять с собой	128
Глава 4. Как выбрать главное	132
Глава 5. Обучение начинается с сомнения	137
Глава 6. Обучаем ли разум?	142
Глава 8. Имеющиеся находки	151
Глава 9. Использование учебных пространств	157
Глава 10. Я умнее	160
Глава 11. Обучение в общем	163
Заключение	168
Выводы	169

А. Шевцов

Случайные мысли о том, как научиться думать

Литература предназначена к прочтению лицам, старше 12 лет.

© Шевцов А.

© ООО «Издательство «Роща»

* * *

Предисловие

Мне не нравится эта моя книга. Думаю, она – худшее, что я написал. Мне самому это странно, потому что я писал ее с наслаждением, и она даже была полезна тем, кто читал ее в черновиках...

Видимо, она слишком долго писалась, и когда я приступил к окончательной вычитке, почти все написанное было для меня чужим и невкусным... Я немного не уничтожил ее и остановил себя только под разумными доводами моего редактора. За время работы над этим исследованием произошло слишком много событий, которые перенесли меня словно бы в иной мир.

Я гляжу на книгу оттуда, где нахожусь сейчас, и она – не более чем личные записи в дневнике исследователя. Но еще два-три месяца тому назад она была для меня путем и жизнью. Значит, для кого-то она все еще может содержать какие-то подсказки и намеки...

В общем, я отдаю ее в издательство, но как записки и на правах рукописи, потому что мне проще бросить ее в камин, чем доводить до должного уровня. Тем не менее, в этой книге есть одна находка, которая может быть полезной. Это вывод, к которому непроизвольно приходишь, пережевывая всю предшествующую муть: чтобы действительно улучшить работу своего разума, его надо обуздать.

Автомор

Часть первая

Начала

Введение

Я потратил достаточно сил и времени, чтобы исследовать, что такое разум, из каких частей он состоит и на каких основаниях работает. Теперь, мне кажется, пришло время попробовать понять, как я думаю и как можно думать лучше.

Весь мой опыт показывает, что это не просто вопрос поиска приемов или даже иных принципов. Разум – не память, которую можно улучшить, проделав какие-то упражнения. И не искусство поиска неординарных подходов. Он и так постоянно достраивает себя, создавая новые орудия как свои собственные части. Все виды научной организации труда, рационализации и изобретательства дают новые плоды работы разума, но не меняют его самого.

Весь мой опыт говорит: улучшить работу разума можно, лишь поменявшись настолько, что это либо превращение в иное существо, либо смена мира. Разум работает на основе образа мира, поэтому переход в лучший мир улучшает и человека, и его разум.

Возможно ли такое?

Многие понятия, используемые мною в этой работе, взяты у так называемых мазыков – это обособленное сообщество, существовавшее на Верхневолжье со средневековья до двадцатого века, известно также как офени. Мне довелось вести этнографические сборы с 1985 по 1991 годы.

Глава 1. Успешность думания

Разум работает, решая задачи. Но у одних он работает лучше, а у других хуже. Почему?

Безусловно, причин много, и первая – это наличие соответствующих орудий. Условно говоря, если два человека решают задачу, в которой имеется математика, то тот, который обучен математике, решит задачу лучше или быстрее. Он явно успешнее думал в этом случае, но лучше ли его разум? Ответ не однозначен, потому что просто иметь те или иные умения, то есть орудия решения задач, – это всего лишь приобретенное качество. В таком случае сравнение производилось не в равных условиях.

Совсем другое дело, когда два человека с одинаковой подготовкой решают одну и ту же задачу. Вот тут их можно сравнивать, а точнее, можно сравнивать их разумы. Но обнаружим мы разницу не в разумах, а в истории их созидания, в сущности, разницу в личностях двух разных людей.

Разум – это некая исходная способность, заключающаяся в том, что мы можем создавать образы мира и вещей, а потом из этих образов творить в представлении и рассуждении способы достижения желаемого. Все части того, что мы называем разумом, на деле есть плоды неких уже сделанных усилий, то есть истории. Кроме самой исходной способности думать. А сам разум, как мы застаем его, когда впервые о

нем задумываемся, – уже сложившийся большой образ, использующий другие образы.

Вполне естественно, что и сам Разум как образ и все те образы, которые нужны ему для работы, не просто складывались исторически, а еще и по-разному у каждого человека. И кто-то достроил свой Разум образами решения математических задач, а кто-то образами торговли или остроумием. Но при этом разум работает на основе Образа мира, и мир отразился в каждом из нас по-разному. К тому же нас по-разному воспитывали и научили видеть других людей. Не говоря уж о том, что мы приносили с собой в воплощение разные ценности и цели.

Поэтому мы по-разному решаем совершенно одинаковые задачи. И это еще не признаки плохого думания или неуспешности. Это лишь признаки разных путей и смыслов жизни. Поэтому народ говорит: цыплят по осени считают. Что значит, что успешность человека оценивается по итогу всей жизни, а не по тому, как он решает какую-то задачу.

Собственно говоря, людей нельзя сравнивать по способности решать одинаковые задачи, вот такой парадокс. Только кажется, что это объективное сравнение. В действительности, как раз такое сравнение самое неточное.

Решение одной и той же задачи в жизни есть просто подбор тех, кто научился решать такие задачи, у кого близкие цели по жизни. Но успешность и способность думать надо проверять по тому, как люди решают задачи, которые им

подходят. Или одинаково не подходят. Последнее – лучше всего, потому что в отношении подходящих задач все разумы могут быть на очень разном уровне развития. Иначе говоря, тот, у кого больше опыт, может достроить свой разум гораздо большим числом орудий, чем другой. Поэтому лучше всего сравнивать по тому, как люди решают задачи, для которых у них нет опыта. То есть совсем новые задачи, созданные искусственно.

Однако и в этом случае пришлось бы соблюсти множество условий. К примеру, создать такой мир, который никак не отражен в образе мира подопытных. Но в таком случае победил бы не тот, кто умеет лучше думать, а тот, кто умеет быстрее познавать мир. В других случаях победа была бы за тем, у кого воспитано понятие, что надо действовать, а не пребывать в растерянности. И он был бы успешнее, но как личность, а мы пытались сравнивать разумы.

Так или иначе, но условий, которые мешают сравнивать разумы в чистом виде, так много, что эксперимент представляется невозможным в силу своей необъятности. И все же он идет. Просто мы его не распознаем как эксперимент по причине все той же необъятности, потому что этим экспериментом является сама наша жизнь. Причем, не одна, а во множестве воплощений, поскольку за одно воплощение мы и надеяться не можем выполнить все исходные условия полноценной работы разума.

Именно то, что за одну жизнь с очевидностью не удастся

создать в совершенстве все орудия разума, является признаком множественности воплощений души. Локк глубоко заблуждался, отрицая «врожденные идеи» Декарта. Точнее, он был прав только в том, что это не идеи. Это врожденные способности души, ставшие ее качествами. А идеи, то есть образы, легко осваиваются и нарабатываются теми, у кого есть соответствующие качества. Поэтому их и нет необходимости тащить с собой из воплощения в воплощение.

Человек, точнее, душа, освоившая способность познавать мир, легко и точно создает образы мира и вещей. Душа, научившаяся понимать людей, хорошо создает образы людей, а душа, познавшая себя, создает образ себя с такой точностью, которая обеспечит легкость решения задач разума. И так во всем. Чем совершенней душа, тем легче она творит необходимые для работы разума образы или отодвигает прочь имеющиеся в сознании помехи.

Если принять это, то станет очевидно, что главное, что нужно для повышения успешности разума, – это прицельное совершенствование души. То есть развитие способностей познавать, понимать, создавать образы мира и себя, строить представления и рассуждения. А во-вторых, действенным будет только воображаемый эксперимент, допускающий полное развитие тех орудий, что составляют разум. С него и начну.

Глава 2. Воображаемый эксперимент

Чтобы действительно понять, хорош ли мой разум, его нужно сравнить либо с другими разумами в совершенно равных условиях, либо вообще перестать сравнивать себя с другими. Его надо соотнести с теми задачами, которые вы перед собой ставите. Последнее кажется более уместным. Вглядимся.

Создать совершенно равные условия для сравнения разума невозможно, разве что мы будем сравнивать двух просветленных. Но и тогда неизвестно, удастся ли сравнить именно разумы. Или же просветленные равны лишь за пределами разума, поскольку самая суть просветления в выходе за эти пределы. Таким образом, успешность разума – это не успешность по сравнению с другими людьми, а успешность в достижении поставленных целей.

Это значит, что успешен разум не того, кто в школе лучше всех решал задачи, и даже не того, кто лучше живет. Успешен тот разум, который достиг всего, чего наметил. А наметить он мог такие вещи, которые в понятие «лучше живет» совсем не укладываются. На первый взгляд это кажется странным, но если мы приглядимся к тому, как и чем живут люди вокруг нас, то обнаружим эту странность сплошь и рядом.

Возьмите для примера художников, поэтов, писателей, ак-

теров, ученых, в общем, людей известных, даже славных, о ком пишут в учебниках истории. И вы будете поражены тем, как часто они отказывались от хорошей жизни ради главного, то есть как раз того, за что их прославили. И мы ведь завидуем им и часто делаем с них свою жизнь. При этом частенько мы видим ту часть их жизни, что связана с признанием и славой, и не видим того, от чего они отказывались, чтобы победить.

Победа дается только цельным натурам, которые способны жертвовать многим, и в первую очередь как раз хорошей жизнью. Их разум определенно успешен, даже если они и не были лучшими в решении школьных задач. А вот школьные учителя, которые эти задачи решали значительно лучше нас, почти поголовно были посредственностями. Да и жизнь у них далеко не хороша. Так что же определяет успешность разума? Способность быть лучше других? Способность достигать намеченного? Или что-то еще?

Если взглядеться в то, как и ради чего жили великие люди, то мы обнаружим одну удивительную закономерность: они не просто были цельными натурами, они достигали успеха, потому что отдавались своему делу всецело и занимались только им. На деле это означает огромное усилие. Иначе говоря, эти люди отдавали все свои силы достижению цели. И отдавали их очень долго, иногда всю жизнь. Как это возможно?

В действительности две вещи могут обеспечить такую

цельность. Первая – это сумасшествие. Если человек – ма-
няк, то он будет самозабвенно трудиться ради достижения
цели, вложенной в его сознание извне, и достигнет многого.
Но не дай ему бог достичь всего, тогда сумасшествие пере-
станет находить себе выход в труде и погубит его.

Другая возможность заключается в способности слышать
собственную душу и жить тем, что хочет твоя душа. В таком
случае ты делаешь только то, что тебе по душе, и делаешь с
душой и всей душой. Вот это и определяет постоянное горе-
ние и успешность. И это единственный здоровый путь. Вот
относительно него и может быть поставлен воображаемый
эксперимент.

Суть его проста, это, скорее, даже не эксперимент, а рас-
суждение, доступное любому. Вот я живу, учусь, работаю,
пытаюсь делать какие-то дела и постоянно замечаю, что у
других все это получается лучше. Не у всех и не всегда. Но
для того, чтобы я страдал, достаточно немногих поражений.
Кстати, если меня обходит всего лишь один, страдание воз-
растает неимоверно. Как у Сальери при виде Моцарта.

Я хочу быть самым лучшим! А что хочет моя душа? У
многих произвольно ответится: так она этого и хочет! Но
вспомните, с чего все начиналось? Как вы себя ощущали,
когда только пришли в то дело, в котором теперь сражаетесь
за победу? Вы и тогда хотели быть самым первым или же вы
всего лишь хотели освоить это искусство? Или глядели на
мастеров и хотели быть как они?

Чаще всего мы начинаем с того, что хотим овладеть чем-то, что ощущается нужным и полезным и вполне доступным. Но по мере того, как растет мастерство, это дело захватывает нас, и мы начинаем борьбу за первенство. И если даже вам кажется, что у вас было не так, и вы исходно хотели быть первым и самым-самым, вспомните, были ли в вашей жизни другие дела, где вы не сразу оказывались бьющимся за первое место. И если такое случилось, значит, вы знаете эту слабинку своей личности: если она понимает, что вы освоили дело, то начинает сражение за чемпионство.

Личность всегда сражается с другими личностями. Она создана ради других и живет ради них. Душа же живет ради себя. Ей не нужно быть лучшей, ей этого мало. Ей нужно стать совершенной. И если личность удовлетворится тем, что стала первой, и бросит это искусство, то душа не успокаивается на победе. Она продолжит работать над собой, поскольку побежденные далеко не дотягивали до настоящего мастерства, а пределов совершенству нет.

Поэтому начните с пересмотра своей жизни и выберите из дел, которыми заполнена ваша жизнь, то, что вы делаете по душе. Постарайтесь вчувствоваться и понять, у дел души всегда есть вкус – они отдают главным. А главное – это то, что вы не хотите терять или бросать.

Найдите такое дело или умение, искусство. Вглядитесь в него со всем доступным вам удивлением: ведь именно ради этого вы и пришли на Землю. А затем задайтесь вопросом:

вы довольны тем, как осваиваете это дело? Ваш разум действительно научился решать эти задачи? Он великолепен? Или же вам чего-то не хватает? Способности разума неразвиты?

Это довольно просто определить, достаточно спросить себя: с достаточной ли скоростью я двигаюсь? Мог ли осваивать это быстрее? Мог ли уже добиться успеха? И хватит ли мне жизни, чтобы преуспеть в этом искусстве?

Если вы уверенно ощущаете, что успеете, скорее всего, вы выбрали не главное. На главное сил всегда едва-едва хватает, потому что души не выбирают для себя легких задач. Лично я болезненно ярко ощущаю, что медленный и не успеваю.

Глава 3. Расширение сознания

Мы строим эксперимент и осознаем, что же за дело является для нас главным в этом воплощении, а значит, какие способности надо раскрывать и чему обучать свой разум. Главное дело воплощения называлось у мазыков Скумой. Осознать ее совсем не просто, и, скорее всего, вы не сможете это сделать с первого раза.

Сложность осознания скумы заключается в том, что она одновременно слишком проста и слишком огромна. Скума редко бывает чем-то, вроде подвига, ради которого можно отдать жизнь. Чаще она – достижение какого-то душевного совершенства. А еще точнее – устранение имеющегося в душе несовершенства или изъяна. Для каждого это своя способность или изъян. Кто-то всю жизнь учится быть сдержанным, но для одного это не болтать, то есть не выдавать тайн, для другого – есть в меру, для третьего – не впадать в шопинговое безумие, а для четвертого – не гневаться и не срываться при общении с дураками.

Овладение этой, так сказать, чертой характера может занять не одну жизнь, но при этом вряд ли кто осознает ее главным делом, ради которого он приходил. И даже зная, что всю жизнь боремся с болтливостью, ленью, похотью или высокомерием, мы не склонны рассмотреть в этом главное дело. Поэтому, когда вы поставите перед собой задачу найти глав-

ное дело, вы непроизвольно будете выбирать среди тех занятий, которые соответствуют вашим понятиям о делах и о главном. И скорее всего, это будет ошибкой. Но ее еще надо суметь разглядеть.

Для того чтобы научиться видеть подобные ошибки, нужно научиться расширять сознание. Понятие это, конечно, условное, и никакого «растягивания» сознания вы при этом не производите. Это совсем иное действие, скорее, связанное с точкой зрения или способом охватывать единым взглядом очень разные содержания своего сознания. Или охватывать им огромные временные отрезки, в идеале – сопоставимые со сроком всей жизни. И даже продлевая его в будущее, до смерти, чтобы оттуда окидывать всю жизнь оценивающим взглядом.

Вот от порога смерти и надо посмотреть на то дело, которое вы выбрали в качестве главного. Если вы ошиблись, этот взгляд обнаружит за избранным делом еще что-то. Это что-то можно найти и с помощью вопроса: зачем? Вот вы хотите сделать что-то, достичь чего-то или чему-то научиться. А зачем? И если ответ существует, то становится очевидно, что ваше дело существует лишь для достижения чего-то, оно лишь ступень.

Это упражнение желательно проделать несколько раз с самыми разными делами или состояниями. И все они будут последовательно вести, как ступени лестницы, к чему-то более важному для вас. Так вы очень многое узнаете про се-

бя, про устройство разума и смысл своей жизни. Но вовсе не обязательно, что найдете свою скуму. Дело в том, что так вы описываете пространство своего разума, а скума лежит за его пределами, она в пространстве души. Вот до него и надо расширить свое сознание.

Делается этот гораздо проще, чем звучит и кажется. И ответ тоже хранится в вашем сознании, он уже есть прямо сейчас. И все же его непросто найти, потому что для этого надо осознать, что он является решением для всех лестниц, которые вы выстроили, описывая устройство разума с помощью вопроса: зачем? Это как остров в море – к нему можно плыть с самых разных сторон и на различных плавательных средствах, но он один ответ на всё разнообразие путей и усилий.

Поэтому, чтобы найти ответ, искать и нужно через понятие усилия. Обнаружив, что весь ваш разум состоит из множества последовательностей дел, увязанных в цепи или лестницы, надо осознать, что все эти лестницы, заполняющие ваше сознание, есть одно огромное усилие длиной в жизнь и равное всей жизненной силе, что вам отведена.

Когда это осознание свершится, можно задать себе следующий вопрос: а зачем мне нужно прикладывать столько усилий? И вы получите несколько ответов. Какие-то выскочат сами, а какие-то придется вывести из того, что вы наблюдаете. Например, глядя на работу разума, вы увидите, что она делится на две части: преодоление мира и преодоление общества. И поймете, что вам почему-то просто необходи-

мо победить в этой битве с миром-природой и миром-обществом, как если бы вы поставили себе такую цель.

Затем вы непроизвольно поймете, что после победы наступит желанное состояние удовлетворения и покоя. Побеждая природу и людей, мы в действительности создаем условия для той настоящей жизни, которую хотели бы иметь. И это жизнь души и по душе. Ее можно назвать покоем, но это не совсем верно, потому что лишь некоторые хотят, достигнув желанного, мирно разводить цветочки на подоконниках. Другие же хотели бы участвовать в гонках, покорять горные вершины, переплывать океаны.

Покой, который наступает после того, как разум исчерпал свои задачи, весьма условный. Это просто иная жизнь, жизнь души. Завершив битву разума, мы переходим в душевное пространство и решаем совсем иные задачи.

Если вы увидели это, значит, вам удалось расширить свое сознание за пределы разума. Это не значит, что там разума не будет, просто то состояние разума, в котором вы находитесь сейчас, удерживает вас в себе и не выпускает. Чтобы из него вырваться, необходимо усилие. Переход подобен тому, как пробка вылетает из бутылки. Вас словно выбрасывает в иное состояние, и вы уже никогда не сможете быть полностью прежним. Даже если дела снова засосут вас, все же вы всегда будете помнить, что делаете их ради того, чтобы иметь возможность жить душой.

Этот переход подобен частичному просветлению. Раз

свершившись, просветление всегда с тобой. Яркость видения и осознания может слабнуть, но уже не может уйти полностью. К тому же, ты понимаешь, что всю жизнь знал о такой возможности и вполне намеренно шел к ней. Иначе говоря, там, внутри разума, который, как кажется, занят только делами и задачами, ты вполне знал, чего хочешь, и как будешь жить, когда перейдешь в пространство души.

И это тоже важно рассмотреть, потому что понимание собственной мудрости усиливает веру в себя и помогает в борьбе за главное. А главное еще не достигнуто, потому что мы все еще не поняли, в чем наша скума. Поэтому продолжим охоту.

Итак, пространство разума было заполнено делами, увязанными некими причинно-следственными связями в лестницы через вопрос зачем. Но в этом же пространстве присутствовало знание о том, чем вы будете заниматься, когда дела будут сделаны. Иначе говоря, чем хочет жить ваша душа. И это не все содержание пространства разума.

Если вы вернетесь к наблюдениям, то вспомните, что среди прочих было немало и таких дел, которые преодолевали не мир и не общество. В них вы преодолевали себя. Познавали, болели и переживали, и преодолевали собственную природу, чтобы заставить себя учиться, изменить и раскрыть необходимые вам способности.

Вот там-то и скрываются главные ответы нашей жизни.

Глава 4. Преодоление себя

Нет людей, которые не ошибаются, не тратят время и силы зря или, по крайней мере, не на главное. Глядя на многих, мы можем сказать, что человек живет растительной или скотской жизнью. В этом звучит оценка, а значит знание о том, что верно, а что не верно, что должен делать человек, а что не должен. Исходя из него, мы мучаем себя, своих близких и своих детей...

А что должно? И почему что-то не должно? Потому что оно не к лицу настоящему человеку? Иначе говоря, неприлично, то есть нарушает правила поведения, установленные обществом? Или же потому, что наши мамы хотят нам только лучшего и сильно болеют, когда их детям не удается занять сытое и теплое место в обществе?

В прошлой главе я описывал, как совершается расширение сознания. Поучимся еще раз.

Знание о том, что правильно, что прилично, какое поведение обеспечит покой и уважение, – все это явно относится к жизни в мире – обществе. А значит, к тому телу, которое приспособлено для выживания в подобных мирах.

Человек имеет несколько тел, даже если он отмороженный материалист и естественник. Одно из них физическое. В старину называлось телью. Сразу после рождения им занимаются женщины. Когда ребенок немножко подрастает, осо-

бенно, если он мальчик, отцы перенимают заботу о его теле и о телесном выживании в этом мире, то есть в природе. Их собственные тела сильнее и ловчее женских, поэтому женщины отдают выживание в природе отцам, а сами принимаются за воспитание личности.

И учат ребенка, как быть поумней, как приспособливаться и устраиваться. Редкие женщины учат детей, как побеждать общество, в основном они учат, как выживать в обществе. Если ребенок изберет идти этим путем, отец уже никогда не переделает его. Но случаются женщины мудрей или им не удастся сломать ребенка, и тогда отец учит ребенка побеждать. Иногда сам ребенок дорастает до этой науки.

Тогда правила и приличия перестают быть богом. Правила и приличия остаются всего лишь качествами мира-общества, как жара и холод – качества мира-природы. Но отвергнуть правила и приличия – еще не значит, вырваться из общества. На перенаселенной планете это вообще стало невозможно. Теперь, да, впрочем, и во все времена, это можно сделать только внутренне. Преступник, переставший уважать правила и приличия своего общества, продолжает жить в них лишь с отрицанием. Он паразитирует на обществе, а это требует знать его еще лучше, чем знают послушные граждане.

Знания о выживании в природе и правила и приличия общества – это основное содержание нашего сознания. Из них складываются разум и мышление. Принимая их или отри-

чая, ты все равно пользуешься ими, а твой разум правит твоей жизнью. И вершит он ее именно так, как это уложено в используемых им образах, другого способа относиться к миру он не имеет. И это привычное состояние нашего сознания.

Именно здесь рождается и оценка тех, кто живет неприлично. Но здесь ли коренится оценка растительной и скотской жизни, как несовместимой с образом человека? Окиньте взором свои знания о том, как лучше выживать в обществе, и вспомните кого-нибудь, кто, на ваш взгляд, потерял человеческое достоинство, кто утратил само право называться человеком. И вы вдруг почувствуете, что готовы простить ему то, что он отказался занять достойное место в обществе. Но не потерю того, что делает его человеком...

Быть человеком можно и опустившись на дно или став тюремщиком. А потерять человечность, занимая очень высокие места в социальной иерархии. Человек и место в обществе – не связаны между собой. Одно никак не обеспечивает другого.

Вы чувствуете это? Значит, ваше сознание расширилось еще раз. И вы вышли за границу того, что в нашем сознании является пространством мышления. Мышление – это та часть разума, которая обеспечивает выживание в мире-обществе. Вы понимаете, что потеря человеческого достоинства возможна в любом месте общественного устройства, значит, вы вырвались из этого пространства сознания.

Но еще не вошли в следующее. И если не сделать этого,

начнутся бесконечные метания в поисках смысла жизни, как у Фауста или героев Достоевского. И останется только сдать-ся какой-нибудь религии. Многие ищут себе богов в чужих культурах только от страха, что сами будут виноваты в том, что не нашли ответа на этот вопрос о смысле жизни. Это тру-сость. Но и стремление выдумать готовый ответ – тоже тру-сость. Не хочу это объяснять, подумайте сами.

Ответ о смысле жизни должен найти разум, раз уж я че-ловек – разумный. Это его предназначение думать и решать задачи. Но мы так боимся опозориться и не быть великолеп-ными, что заранее отказываемся думать. Просто не начина-ем думать, чтобы не получилось так, что мы не справились. Если отдаться богу, гуру или разыскать готовый афоризм, то мы избежали самой проверки своего разума.

И не важно, что это трусость. Важно то, что все эти реше-ния – внутри того же пространства разума. Расширение со-знания не свершилось, даже если вы нашли бога или учите-ля. Правда, теперь они виноваты, что ты не меняешься...

Но что будет, если все же подумать? Тогда мы обнаружим, что наше наблюдение за собой обеспечило все необходимое для поиска ответов. Мы ведь уже отбросили много лишнего, что обнаружили в своем сознании. Но что-то осталось. Что-то, что явно не связано прямо ни с выживанием в природе, ни с выживанием в обществе, но без чего они не обходятся. Что это?

Бесконечное количество воспоминаний о том, как ты пре-

одолевал себя, бесконечное количество усилий, вложенных в то, чтобы измениться.

Так достигались вами все ваши победы, так обеспечивалось выживание во всех мирах, так вы достигали успеха, занимали места, становились мастером в избранных делах, просто получали удовольствие от самих себя.

Все миры, которые вы покоряли, были лишь подспорьем для работы над собой. И это не выбор. У нас нет выбора в том, совершенствоваться или нет. Если мы не совершенствуемся, мы не выживаем, не довольны собой и жизнью, и никогда не достигаем скумы, а значит того зачем пришли. Выбора нет.

Глава 5. Выбора нет

Человек – это устройство самосовершенствования. А жизнь земная – не юдоль печали и не поле страданий – это учебный полигон для самосовершенствования. Современные христианские мыслители объявляют самосовершенствование чуть ли не противным божественному замыслу, но при этом совершенствуются в том, как управлять сознанием паствы. Буддизм начинает свое рассуждение с утверждения, что жизнь есть страдание, но надо сделать громадное усилие, попросту, изнасиловать себя, чтобы принять это.

Эти религии, как говорит про себя само христианство, противоестественны. Они против естества человека, поэтому они строят себя на вере, которая должна предшествовать опыту. Бого- или Буддо-откровение порождает исходный метод: верую ибо абсурдно. Абсурдно, значит, не соответствует природе, не естественно, но так, как не может быть. И есть только потому, что Бог так задумал, а Будда так объявил.

Но даже для того, чтобы принять веру, над собой надо сделать усилие. Как и для того, чтобы увидеть внутреннюю пустоту, без которой не наступает буддийского просветления. Самая знаменитая христианская внутренняя техника – умное делание или христова сердечная молитва, есть усилие по удержанию своего сознания на чем-то одном, на одной мысли, на одном чувстве. Как и дзенское сатори – усилие, тре-

будущее понять что-то важное, что выкинет тебя за пределы обычного сознания.

И то и другое усилие соответствует йогической дхьяне, то есть собиранию внимания на одном, что должно остановить разум. Но это «одно» обязательно присутствует. Даже в йоге, чтобы достичь самадхи, ты должен удерживать свое внимание, а с ним и весь свой разум на божестве, Ишваре. И к этому ты должен стремиться изначально. А значит, изначально поверить в нечто, чего не наблюдаешь в своей природе естественно.

По большому счету, я совершенно не против обнаружить в конце пути Бога. Или пустоту. Но я не хочу стремиться к этому изначально, чтобы не подгонять свои действия под ответ, который подсмотрел в конце книги. Человеку, который остановил работу своего разума на мысли о боге, очень трудно освободиться из этой ловушки, если его разум больше не работает. Эта мысль о боге становится его Богом, которого он теперь начинает видеть, куда бы ни обратил взор. При этом буддист, достигший того же состояния и остановивший разум, видит только пустоту. Похоже, какой фильтр одеваешь на глаза, таким и видишь мир, даже при достижении просветления или святости.

Но пока фильтры еще не одеты, пока разум, который надо обуздать, еще работает, ничто не мешает нам подумать, посмотреть на мир без предвзятости, понаблюдать и даже исследовать. Наверняка, мы совершим при этом немало оши-

бок. Но ошибки, которые можно исправить, – лишь меты пути. Главное, что само устройство человека таково, что он не может не совершать усилия. Он, как огонь, вырывающийся из полена, – пока топливо не исчерпано, огонь будет рваться наружу.

Так и человек. Древняя Русь была миром огнепоклонников. Очевидно, все первобытные начинают с этого – ведь огонь спасает от холода и смерти. Поэтому они видели его проявления во всем – в очаге, в солнце, в теле человека, которое способно вырабатывать тепло. В определенном смысле они были правы, ведь с химико-физической точки зрения горение – это окисление, то есть выжигание кислорода. Когда пища переваривается в нас, говоря упрощенно, она горит, окисляясь. И народ всегда видел сходство с горением, так и говоря про детей, что у них в желудках все горит.

Пока человек жив, в нем горит огонь жизни, а горение его выражается в движениях и звуках, которые из него рвутся. Пропущенные сквозь образы разума, эти звуки и движения становятся речью и действиями. Пока мы горим, мы действуем, направляя свой внутренний огонь на то, что изберем. Но избрав, мы начинаем видеть избранное целью.

И тогда начинается движение, а с ним самосовершенствование. Очень редко нам удастся достичь желанного просто. Чаще на нашем пути встают помехи. Иногда внешние, всегда – внутренние: тебе не хватает силы, тебе не хватает ловкости, тебе не хватает знаний, тебе не хватает ума... Самосо-

вершенствование в этом виде просто, естественно и желанно.

Ты не умел плавать? Ты начал каждый день бегать на реку и за лето научился плавать. Это было наслаждением. Ты не умел ездить на велосипеде? Ты завелся, уперся и каждый день делал попытки. И уже через неделю ты гонял быстрее ветра. Это было наслаждение. Но вот тебя заставили научиться играть на фортепьяно или решать алгебраические задачи. Ты бросился в это так же, как и в остальные дела, с наслаждением. И не смог... Чего-то не хватило. Или предмет оказался слишком велик. И вот у тебя выбор: либо бросить, либо продолжить. Бросить вовсе не просто, потому что тогда придется искать некое иное приложение сил – огонь рвется изнутри и требует действовать. И ты болеешь.

Мы все бросали не бросая, мы собирались бросить и переставали заниматься тем, что у нас не получалось. Но не переносили огонь на другое дело. Легко бросать, когда другое дело уже захватило тебя. И очень непросто, когда ты просто сдаешься, поскольку у тебя не получается. Без нового дела огонь продолжает гореть, но для него нет выхода. И он идет внутрь. Он накапливается внутри и в какой-то миг заставляет тебя сделать новую попытку. Ему все равно, во что проливаться – что стоит перед твоими глазами, в то он и потечет...

И так мы побеждаем в трудных делах. Это второй способ самосовершенствования, свойственный человеку: отступить, накопить желания и сил и попробовать еще раз. Как

и в первом случае, ты полон желанием, и оно ни на миг не прерывается.

Но есть случаи, когда желание уходит или его не было изначально. Но ты знаешь, что это надо сделать, и делаешь, исходя из чего-то совсем иной природы, чем желание. Каждый испытывал это. Осознайте, что знакомы с этим состоянием. Это есть усилие перехода в более широкий слой сознания. Обычно человек живет в той части своего сознания, которой правят очевидные и непосредственные желания. Но иногда нам приходится переходить туда, где правит Надо, и именно это считается качественным признаком ЧЕЛОВЕКА.

Именно эти состояния требуют преодоления себя, что значит, преодоления нежелания делать. В действительности, у нас нет нежеланий, хотя мы естественно говорим: не хочу! У нас есть только желания, иные желания. Именно они и не дают заниматься тем, что Надо. Именно их приходится преодолевать, когда преодолеваешь себя. Случай условного «сумасшествия», когда нечто инородное в твоём сознании просто вмещивается в твои действия и навязывает, что делать, а что не делать, я не рассматриваю. Но надеюсь, что читающий это владеет способами очищения сознания от всего инородного.

Простой и здоровый случай, естественно возникающий в жизни каждого: ты хочешь то, что хотел всегда, но приходит Надо, и ты преодолеваешь себя. Ты повзрослел и из зверушки, милой и игривой, стал Человеком. И этого не избежать.

Этого выбора у нас тоже нет. Причем, даже те, кто бунтуют, пока это НАДО навязывается им извне другими людьми, все равно раз за разом заставляют себя делать то, что необходимо. Хотя бы вставать раньше, чем хочется, или говорить так, чтобы тебя понимали, заставляя себя работать над внятностью речи...

Наше сознание заполнено образами выживания в природе и обществе. Это огромные запасы знаний и умений. Но поняв, что преодоление себя повсеместно и проявляется в сущих мелочах, осознайте, какой большой объем сознания занимает этот опыт. Преодоление себя повсеместно. Оно присутствует во всем, чем мы живем. И только кажется, что оно дополнительно к остальной жизни. Эта остальная жизнь нужна, чтобы мы научились преодолевать себя. Мы живем ради того, чтобы однажды из пространства разума, обеспечивающего выживание, перейти в пространство преодоления себя.

Это естественно и очевидно. И при этом впустить в себя эту мысль чрезвычайно трудно. Она просто не остается в том, что ты называешь собой. Выскакивает, как пробка из воды, поскольку то, что ты называешь собой, есть среда, которая не впускает в себя ничего иной плотности. Мысль, что мы живем, чтобы научиться преодолевать себя, иной плотности, она сделана из более легкого вещества, а значит, принадлежит более легкому миру.

Поэтому в пространстве разума ее можно запомнить, но

нельзя принять. Здесь задачи выживания настолько важной, что смена цели повела бы к гибели. В битве за выживание нельзя разбрасываться, надо быть цельным. Как и в преодолении себя. Поэтому принять эту мысль – значит, перейти в иной мир, расширить свое сознание настолько, что это станет безвозвратным. И это еще один шагок просветления, в смысле изменения своей природы. Не знаю, есть ли в этом хоть какие-то соответствия буддистскому понятию о просветлении, но это определенно вызревание того естества, которое делает меня человеком.

И, похоже, это настолько естественно, что обязательно.

Глава 6. Пространство преодоления себя

Преодоление себя так же естественно, как дыхание. И потому нам трудно его видеть и осознавать чем-то особенным. Оно подобно воздуху, оно во всем, а потому не воспринимается нами даже особой средой, пронизывающей разум. Тем более трудно увидеть, что это не просто среда, а иное пространство сознания, которое наложено на пространство разума.

Наложение двух пространств дало странный эффект – мы воспринимаем его как свойства некой среды, заполняющей это пространство. Но это разные среды, принадлежащие разным мирам. В сущности, их даже три: одна – это среда мира тел, вторая – среда мира личностей, а третья – среда мира души.

Все они при этом проявлены в некоем четвертом пространстве, которое Декартом было названо Когито. На осознании этого пространства строится вся европейская философия Нового времени. А за ней и психология. В примитивном психологическом выражении это пространство называется «головой». Как родилось это заблуждение, ставшее исходным основанием всех рассуждений, создавших нашу философию и науку?

Cogito ergo sum – так звучало это утверждение Декарта,

к которому он пришел, рассуждая о том, что можно считать единственным надежным основанием любых исследований и рассуждений. У нас его принято переводить как: я мыслю – значит я существую. Этот перевод неверный и даже вредоносный. Cogito не означает мышление, это, скорее, познание. Но и перевести высказывание Декарта как: я познаю – значит я существую, было бы ошибкой. Никакое действие познания не имелось им в виду, когда он пришел к этому итогу.

По большей части Декарта пытались понять на уровне перевода, то есть в заключительной точке его рассуждения, в выводе. И это сразу превращалось в ловушку слов, в ловушку перевода. И очень мало кто из психологов пытался понять то, что переживал Декарт, когда шел к своему выводу. А переживал он вполне доступные любому прозрения. Он их подробно описывает в «Рассуждении о методе».

Задавшись вопросом, на чем же можно строить подлинное и точное философское рассуждение, он рассматривает по очереди все то, что может обнаружить, когда заглядывает, условно говоря, себе в голову. То есть в то пространство, в котором, по его предположению, и творится наше рассуждение. Конечно, это никакая не голова. Это некое пространство, в которое может погрузиться наш внутренний взор, где и обнаруживает мысли, образы, чувства и желания.

Пространство это есть наше сознание. Но, вот насмешка, поняв его сознанием, ни Декарт, ни его последователи не по-

няли его пространственности. Они даже называли его сценой, на которой творится некое представление, и все равно не видели ни пространственности, ни объема. Сознание картезианства было сознаванием. И родившаяся из когито новая психология, названная психологией сознания, была психологией сознавания, потому что в этом пространстве было только то, что ты осознавал, глядя на него.

Именно это значение и было сутью когито. *Cogito ergo sum* – я сознаю себя сознающим – значит я есть. Это погружение в себя настолько потрясло любого европейца, которому хватило сил вслед за Декартом проделать это упражнение, что он останавливался пораженным перед открывшейся глубиной познания мира. Именно отсюда пришло последующее открытие современной физики, что присутствие наблюдателя может воздействовать на протекание эксперимента.

Там, в глубине самого себя, ты обнаруживаешь нечто, что проявляется в тебе, но принадлежит совсем иному миру, миру подлинному, миру, откуда приходят истины. Истины и захватили воображение европейских мыслителей. Пробриться к истинам – значит проникнуть в мир Платоновских идей. Это была давняя мечта всей европейской философии. Декарт стал вторым после Платона, потому что он открыл путь на Небеса.

Путь этот или метод назывался инсайтом, самонаблюдением. Но ни глубина ни метод не могли сравниться с самими истинами. Они были так заманчивы, что кто-то, подоб-

но Локку, кричал им, как обиженный на Бога ребенок: «Тебя нет!» Кто-то, подобно епископу Беркли, заявлял, что нет ничего, кроме этих идей. А кто-то, как Гуссерль, ради возможности жить на Небесах, готов был отпихнуть ногой лестницу, по которой туда забрался, и посвятить жизнь войне с психологизмом...

Но никто не обратил внимания на глубину, а значит на пространственность той «головы», в которой разворачивалась эта битва европейского сознания. Это простительно для философов, но психологи обязаны были заметить, что сознание не есть осознание. Однако они не заметили этого даже после того, как Фрейд заговорил о содержаниях сознания. Содержания сознания являются общепринятым фактом современной психологии, но при этом сознание остается для нее сознаванием, которое по определению не может ничего в себе содержать. Даже сам Фрейд, создав сильнейшую школу работы с содержаниями сознания, до конца жизни определял сознание как сознавание...

Объем, глубина, способность иметь содержания – все это черты и свойства пространства. Сознание пространственно. И более того, оно состоит из нескольких пространств, вложенных одно в другое или наложенных одно на другое. Эти пространства отличаются тем, что в них вещество сознания обладает разной плотностью, то есть содержания этих пространств хранятся в разных средах, лишь исходно имеющих одну природу, так емкость, заполненная кусками льда, может

вместить в себя и воду. А где вода не покрывает лед, образуется пар, и это разные среды одной природы.

Вот так и сознание содержит в себе образы разного качества. Одни из них обеспечивают выживание тел, другие – личностей. А третьи – жизнь того тела, в котором я воплотился в физическое тело. Обычно его называют душой. Эти среды взаимопроникают, и наш разум может работать в любой. Поэтому он одновременно решает задачи самых разных уровней.

Но однажды вы можете осознать себя существом, которое пришло в этот мир, чтобы стать совершенной. И тогда вы поймете, что мир со всеми его сложностями, подлостью и жестокостью, – лишь материал, на котором вы себя оттачиваете. Но главная помеха и противник – это ваша собственная лень, слабость и глупость. И тогда вы в пространстве преодоления себя целиком.

А ваш внутренний огонь больше нельзя бездумно расходовать на внешние вещи. Его надо направить внутрь себя, чтобы он выжег все, что смертно. Если вы способны породить его, значит, в вас должна быть и бессмертная природа.

Думаю, именно так однажды на земле зародилась йога.

Глава 7. Внутренний огонь

Огонь нельзя направить в осознание или в никуда. Огонь – явление пространственное. Его можно направлять осознанием или с осознанием, но направлять надо либо на что-то, либо куда-то. Что-то должно быть в пространстве. Почему разговор о пространстве так важен?

Тому есть несколько причин. Даже если не слишком пока вдаваться в само понятие о внутреннем огне, все же очевидно, что у него должно быть сходство с огнем настоящим, раз уж народ не нашел лучшего способа, чтобы описать то, что происходит в душе горящего человека.

И что мы можем считать чертами огня? То, что он греет и поддерживает жизнь. Рядом с человеком, который горит, дела расцветают, а люди становятся живее. То, что огонь неразборчив и сжигает все, что встречается на его пути. В силу этого он очистителен. И то, что он очень плохо управляем. Битва человечества за огонь – это битва за управление огнем.

Насколько природа внутреннего огня соответствует собственно огненной природе? Для нас эти выражения «внутренний огонь», «внутреннее горение» – лишь иносказания, метафоры, описывающие нечто, что отдаленно сходно в своих внешних проявлениях даже не с огнем, а с его проявлениями. Иными словами, мы перенесли это сравнение в мир

явлений. И поскольку явления никогда не совпадают с сущностью, то есть с тем, что являет себя в явлениях, то и сопоставление разных явлений оказывается сопоставлением разных вещей.

Древние видели это иначе. Они пытались познать самую суть огня, он был для них слишком важен. И заглядывая за явления, они говорили, что природа огня и природа внутреннего огня имеют единый источник. Различия накапливаются по мере удаления от источника. Так рождались славянские мифологические представления об огне, так рождалась тибетская йога внутреннего тепла – Туммо.

Если у внутреннего огня природа сходна с огнем настоящим, то, будучи направлен внутрь, он будет выжигать все подряд. Точнее, все, что горит. Но в действительности выгорает в первую очередь то, на что направлено внимание. Почему он действует избирательно, почему горит не все, а только то, на что направлено внимание и осознание?

Что вообще выжигается внутренним огнем? Просто вернемся к наблюдениям за действительностью и вспомним свой опыт. Огонь – это вообще средство преодоления себя и помех. Об отсутствии огня говорят, когда человек обленился либо не хочет думать, не играет, делает что-то скучно, так что оно не зажигает. Как видите, язык огня – один из основных способов описания жизни. И очевидно, что огонь заставляет двигаться и самого человека, и поджигает других, то есть усиливает их душевные движения. Настоящий худож-

ник всегда полыхает, как и настоящий вождь.

Это описание показывает, что огонь не может относиться к жизни тела, он – из мира души. Душа если и вещественна, то не такой вещественностью, которую берет обычный огонь. Для ее горения нужен огонь более тонкий, но не менее жаркий. Огонь зажигает души, но не сжигает их. Им как бы свойственно жить в этой среде. Но при этом огонь помогает преодолевать те препятствия, которые встают на пути души. Эти препятствия могут быть внешними, и тогда тот, в ком нет огня, сдается, а побеждает тот, в ком есть горение. Но чаще эти препятствия внутри нас, и тогда это личностные помехи. То есть помехи, содержащиеся в сознании. Они могут быть разными, иногда порожденными мной самим, иногда внесенными в мое сознание извне. Но все они живут в моем сознании либо в виде образов, либо в виде напряжений.

Чтобы увидеть это, необходимо принять, что сознание – это не сознавание. Сознание – это тонкоматериальная среда, обеспечивающая душе при воплощении связь с телом. В силу необходимости взаимодействовать с телом, сознание обладает определенной плотностью материальности. Думаю, приблизительно соответствующей тому, что происходит в нервной системе.

Иными словами, вещественность сознания сопоставима с вещественностью электрических токов нервной системы, в силу чего сознание способно оказывать воздействие на нервную систему и управлять телом. Либо оно оказывает воздей-

ствие еще на одну среду, более грубую, которая и передает воздействие от сознания нервной системе.

Делается это с помощью образов, в которых и записывается рисунок необходимых воздействий. Не буду вдаваться в физические вопросы, насколько вещество и энергия едины. Оставляю это физикам. Мне важно лишь очевидное: душа участвует в создании образа, образ творится и хранится в сознании, а затем исполняется телом. И телу совершенно все равно, какой образ исполнять – мой или чужой. Лишь бы он поступил из нервной системы.

Наши образы часто несовершенны. К тому же их много, и в силу этого они противоречивы, а иногда и совсем неуместны, словно бред или сумасшествие. И очень часто, когда ты собрался что-то делать, куча образного хлама вмешивается в твоё решение, съедая силу, замутняя ясность и подсовывая совсем неподходящие решения. В такой миг необходимо либо иметь огромные запасы силы, чтобы проломить все препятствия, либо уметь очищать своё сознание.

Огонь может и то, и другое. Он может добавить силу, как происходит с матерью, которой надо спасти ребенка. Или выжечь все инородное, что не дает собраться в кулак. Как огонь выжигает хлам сознания? Есть разные приемы, но по сути все они сводятся к простому осознанию того, что ты в себе рассматриваешь чужим.

Нет, это не вопрос веры, когда ты убеждаешь себя, что то, что ты видишь, есть то, что ты хочешь видеть. Этот путь тоже

существует, фанатики просто слепляют два понятия, так что для них это есть то. И не позволяют это оспаривать. И делают они эту магическую операцию явно с помощью внутреннего огня, потому что все видели, как у фанатиков горят глаза.

Действительное очищение гораздо проще. Ты всего лишь рассматриваешь то, что нашел в себе, то есть в своем сознании, и определяешь, откуда оно взялось. Если ты вспоминаешь, как сам создавал этот образ, то он твой. А если не можешь понять, как у тебя появилось это, то разумно предполагаешь, что это чужое содержание в твоём сознании. Одно-го этого бывает достаточно, чтобы освободиться. Но лучше рассмотреть все части этого чужого содержания, потому что в них могут скрываться дополнительные ловушки.

Суть осознания проста: ты либо Хозяин себе, либо у тебя есть другой хозяин. И ты всего лишь избираешь, кого слушаться. Хозяин исполняет только свои образы, потому он выжигает из своего сознания все инородное. Как это ни странно, но внутренний огонь в состоянии выжигать хлам сознания.

И вот мы возвращаемся к исходному, потому что рождается вопрос: как эта неуправляемая сила, выжигая что-то в огромной свалке сознания, не жжет все подряд? Как ей удастся быть избирательной?

Ты ленишься, ты не хочешь упражнять свое тело или работать ради хлеба насущного? Почему, очищая сознание от этих помех, ты не выжигашь того, что относится не только

к телу, но и к личности, и к преодолению себя? Почему вообще нам не просто удастся разделять разные предметы, а вообще не затрагивать преодоление себя, пока мы не поставили себе такой задачи.

Напрашивается простой и очевидный ответ: разные образы находятся в разных пространствах сознания, и огонь, выжигающий одно пространство, не в силах проникнуть в другое. Но ведь пространства эти накладываются друг на друга, и, убирая лень, я преодолеваю себя!

Да, преодолеваю, не осознавая это как преодоление. Просто жизнь и давление окружающих заставляют меня трудиться. Очевидно, это наложение пространств либо кажущееся, так сказать, в перспективе, как накладываются витражи, стоящие один за другим. Либо вещество сознания качественно меняется от пространства к пространству. И потому огонь, выжигающий телесные образы, не может перекинуться на образы преодоления себя.

Впрочем, перекинуться он может, если будет открыта дверь. Дверь эта открывается осознанием. Если, работая над ленью, ты осознаешь, что корень бед именно в преодолении себя, ты можешь вспышкой прорваться в это пространство, и твой внутренний огонь начнет бушевать в этом тонком мире.

Тонкое правит грубым. Изменения в пространстве преодоления скажутся на всех грубых мирах, лежащих ниже. Начав работу над способностью преодолевать себя, ты бу-

дешь делать ее на примере телесного и личностного выживания. И это изменит всю жизнь.

Если, конечно, ты захочешь менять ту жизнь, которой жил до этого. Часто люди предпочитают уйти в этот новый мир, что открылся им, и жить только самосовершенствованием. Так становятся йогами.

Глава 8. Древняя йога

Сейчас человечество переживает бум йоги. По всему миру открываются школы и клубы, где люди стоят на голове и выворачивают себе ноги под счет вдохов и выдохов. Все это не имеет к йоге почти никакого отношения, кроме названия. Йога никогда не была предметом массовой культуры, она – удел немногих. Поэтому для того, чем сейчас стала современная йога, более подходит название коммерческая йога.

На Западе для нее придумали и еще одно название – postural joga – йога поз или позовая йога. Это даже не хатха-йога, это именно набор упражнений для растяжки в определенных позах. Хатха-йога никогда не имела такого количества асан, какое появилось сейчас. Средневековый трактат «Хатха-йога прадипика» знает всего 15 асан. «Йога-сутры Патанджали», как и «Бхагават-гита», знают лишь «удобные положения тела», в которых и должна вестись действительная йогическая работа. Можно предположить, что это две асаны – сидхасана и шавасана. По-русски – сидя, скрестив ноги, и лежа на спине.

Йога – это совсем не гибкость тела. Йога – это направление внутреннего огня в то пространство сознания, где лежат главные помехи твоему развитию. В сущности, это всегда преодоление себя. Само название йога частенько производят от корня, означавшего связь. Из-за этого йога оказы-

вается синонимом религии, то есть связи или воссоединения с богом. Но это неверно. Хотя йогу и используют разные религии для достижения своих целей, все же в самой йоге никакой религиозности нет.

Йога – это искусство и набор упражнений для обуздания собственной внутренней жизни, как иногда говорят – ума. В действительности это обуздание шире, оно распространяется и на желания, и на чувства, в общем, на все, что можно обнаружить, заглянув в собственное сознание. Поэтому гораздо более верным выглядит связь йоги с древним индоевропейским корнем, который сохранился в русском слове «иго».

Иго – это и есть обуздание. Игом называлось в старину не рабство, а ярмо, с помощью которого волов запрягают в упряжку. Именно это ты и должен сделать, если хочешь стать йогом. Только обуздать надо то, что правит тобой. В общем, все тот же простой вопрос: кто дома хозяин? И если ты хозяин самому себе, то в состоянии ли ты добиваться всего, что наметил? Или в это может вмешаться что-то из глубин твоего сознания, заставив тебя изменить намерения?

Совершенно очевидно, что йога со временем все усложняется. Это плохой знак. Бесконечное усложнение явления означает, что оно развивается не вглубь, а вширь. Попросту говоря, когда-то существовавшая йога превратилась в пену. Но если это очевидно, то не менее очевидно и то, что когда-то йога была проще. Об этом свидетельствуют и сохра-

нившиеся древние тексты. Чем они древней, тем проще йога. Но даже эти, дошедшие до нас тантры, сутры и упанишады йоги – уже довольно позднее явление. Йога родилась за долго до них.

И если мы не примем на веру индусские уверения, что йога была подарена человечеству богами, то остается лишь предположить, что само ее зарождение было совершенно естественным. По крайней мере, в том смысле, что было обнаружено какое-то всегда существующее свойство человеческой природы. И поскольку работа с этим свойством давала плоды, делавшие человека более успешным, родились школы, изучающие, описывающие и обучающие этому искусству. Успешность – это ценный товар, поэтому действительные знания делали тайными, а наружу выпускали то, что должно было отвлечь или увести в сторону от главного. Так и творилась современная йога.

Но что было главным? Если почитать предания о древних йогах, то обнаружишь, что они поразительно похожи на сказки и на мифы. Не в том смысле, что описывают чудеса. А в том, что в них действует один и тот же герой. Его можно назвать йогом, можно богатырем или шаманом. Но это всегда человек, сумевший так или иначе раскрыть в себе какие-то особые способности. Например, силу. Чаще всего именно силу, пусть в разных ее проявлениях. Иногда эти способности его личные, иногда они даются как волшебные помощники.

И все же способ добыть эти способности-помощников всегда один – он описан в русской волшебной сказке. Впрочем, сюжет волшебной сказки одинаков у всех народов мира.

Однажды ты должен потерять покой и довольство собой. И ощутить некую нехватку – внешнюю или внутреннюю. Нехватка должна быть настолько сильной, чтобы сдвинуть тебя с места и позвать в поход. И там ты будешь преодолевать множество препятствий, что дает тебе силы, способности либо помощников. И тогда ты вступишь в битву и преобразишься, став новым человеком. В сказках это называется стать царем.

Герои былин идут в настоящие походы ради этого. Герои Гессе бродят в воображаемом паломничестве по пространствам своей памяти в поисках страны Востока. Йоги ныряют в собственное сознание, несомые струей внутреннего огня.

Древняя йога должна была обнаружить в устройстве человека нечто, что делало возможным преобразование, ставящее тебя выше царей, и способ, как на это нечто воздействовать. Но преобразование – это и есть преодоление себя, если мы вдумаемся и взглянемся в описания жизни великих йогов. А значит, это прорыв в пространство преодоления. И прорыв такой, что возврата обратно нет.

Для этого необходимо было научиться направлять свой огонь не наружу, а внутрь, и удерживать его там так долго, пока он не преобразал всю твою природу.

Думаю, древняя йога и была всего лишь искусством на-

правления и удержания внутреннего огня.

Глава 9. Преображение

Выход в пространство преодоления себя означает полное преобразование. Мы так или иначе занимаемся преодолением лени и собственного сопротивления учебе и находясь в пространствах разума. Мы не можем не преодолевать себя, потому что жизнь вынуждает нас делать это. В каком-то смысле это она, а не я сам, преодолевает мое сопротивление действовать, меняться, а по большому счету, жить, двигаться и гореть.

Жизнь постоянно давит на меня, словно с задачей поднять мою внутреннюю температуру. Это буквально физический процесс, который ведет к внутреннему разогреванию вещества, из которого я создан, как разогревается металл под ударами молота. И делается это, будто так было задумано и устроено. Для нас словно бы создана среда, которая нелегко давит и колотит нас, чтобы вызвать собственное желание жить. Это особенно ярко заметно в современной России...

Под лежачий камень вода не течет, а хорошо живут те, кто шевелится. Если в человеке нет собственного источника движения, значит, в нем нет источника тепла и жизни. Он должен умереть. Но мир или Бог любит нас и заставляет шевелиться внешним воздействием. Это внесение жизни извне. Оно спасает от смерти, но по замыслу мы, похоже, должны

бы жить сами. Для этого мы должны разжечь собственный огонь.

Вообще-то мы считаем себя теплокровными, в отличие от рептилий, которые засыпают, когда температура снаружи опускается ниже требуемой для их жизнедеятельности. Однако мне кажется, что это заблуждение. Теплокровными являются животные, а человек не животное. Возможно, в нем есть что-то от драконов. Во всяком случае, он тоже спит, если температура внутри него ниже требуемой. Вся разница с ящерами только в этом: снаружи или внутри должно быть тепло.

Большинство людей спит и начинает шевелиться только под воздействием извне. Мир не скупится на такие воздействия, в этом проявляется его милосердие. Мы уже давно должны были бы вымереть, как вымерли не только ящеры, но и множество древних народов, начиная с питекантропов. Обладающих собственным огнем очень мало. И по большей части это люди, получившие этот огонь в дар, то есть как некую одаренность.

Возможно, дар горения был именно тем огнем, который подарил людям Прометей. Не обычный огонь принес он людям – обычным огнем мы овладели естественно, и за него боги не должны были наказывать Прометея, скорее уж Зевса с его перунами. Нет, он подарил людям нечто иное, что давало им возможность божественности, а значит, и богоборчества. И люди ведь действительно начали строить всевоз-

возможные вавилонские башни, чтобы свергнуть и отвергнуть богов, став вместо них...

Подозреваю, что Прометей был тем, кто научил людей возжиганию внутреннего огня, иными словами он принес им ту Древнюю йогу, что стала сутью всех тайных, жреческих учений человечества. А это значит, что помимо дара есть и иной путь к овладению огнем. Именно им можно достичь полного преобразования, возможно, даже перестав быть человеком в том смысле, что мы созерцаем в себе и себе подобных каждый день.

А может, наоборот – только так, преобразившись, ты и становишься человеком из той заготовки, которая жила-была со своей старухой... Очевидно одно: чтобы стать царем, нужно, как в сказке, осознать нехватку чего-то очень существенного и выйти в поход, чтобы подвергнуть себя испытаниям. А это значит, что необходимо захотеть сдвинуться с той точки, где ты находишься сейчас. Хочешь ты того или не хочешь, доволен ты собой или нет, но то состояние, в каком ты осознаешь себя сейчас, – это мертвая точка. Это сон. Но с неё можно начать.

Даже если мы как-то движемся в саморазвитии или самопознании, само сегодняшнее состояние – это мертвое состояние, если только оно не изменится уже сегодня. Совершенно не имеет значения, ты просто оставался неподвижным или достиг мертвой точки, совершив какое-то движение. Значение имеет только непрерывное движение, а зна-

чит, непрерывное усилие движения. Если вдуматься, это и есть горение. Именно оно и называлось внутренним источником движения, чем живое отличается от неживого.

Так и получается, что овладение горением – переход от движения под внешними воздействиями к внутреннему источнику движения – и есть полное преобразование. В каком-то смысле – изменение своей природы. Как оно достигается?

Пока могу сказать только одно: переходом в пространство преодоления себя. Если ты преодолеваешь себя вынужденно, то ты спишь и гредишь о жизни. Если ты осознал, что смысл твоего прихода на землю – разжечь свой собственный огонь, то ты приходишь к пониманию, что именно постоянное усилие по преодолению себя и есть главное.

Тогда ты начинаешь жить этим, преодоление становится смыслом жизни, а преобразование – ее главной целью. И ты начинаешь видеть все, что есть и было в твоей жизни, а значит, и в твоём сознании, только сквозь задачу преобразования.

Пока ты живешь в пространстве разума, ты постоянно решаешь задачи выживания. И если ты, к примеру, с кем-то поссорился, разум решает эту задачу так, как если бы от ее решения зависело твое выживание. Борьба захватывает тебя, а сознание переполняется переживаниями, которые сводят с ума. Но ты перешел в пространство преодоления, и значимость борьбы с врагом пропадает, теперь главная задача – не уничтожить его, а понять, какой урок ты можешь извлечь из борьбы для преобразования себя.

Это не значит, что ты перестаешь бороться и переходишь в непротивление злу насилием. Отнюдь не толстовщина теперь правит твоим разумом. Скорее – это Бхагавад-гита, скорее, урок Карма-йоги, который преподает Кришна Арджуне: сражайся, будь воином, но сражайся бескорыстно, не ради плодов этого деяния, сражайся ради собственного преображения, ибо ничто так не преображает, как битва!

Ты просто честно делаешь то, что должен, но при этом стараешься извлечь как можно больше уроков и развить в себе то, что недостаточно развито. Жизнь теперь раскрывает твои способности, а противники становятся помощниками. В итоге жизнь становится легче и радостней, а ты многократно успешней. Как успешней становится и твой разум.

Только избрав преображение и постоянное преодоление себя, ты обретаешь средства для дальнейшего овладения наукой думать и улучшения своего разума. Если мы хотим думать лучше, мы должны не просто постоянно упражнять разум. Мы должны сменить цели, ради которых он действует, и научиться получать наслаждение, устраняя его слабости.

Это иная жизнь и иной мир.

Глава 10. Иной мир

Пространство преодоления себя – это все тоже мое сознание. Но это выделенная часть сознания, выделенная и пространственно, и по качеству среды, то есть по вещественности самого сознания. Если мы приглядимся к животным, то, безусловно, обнаружим у них разум, позволяющий выживать телесно. Но при всем желании животное, даже стайное, не может понять человека в его общественной жизни. Эта часть сознания недоступна животному, что значит, что у него нет сознания такого качества, в котором бы жило понимание общественной жизни.

Переходы по пространствам сознания – это переход по качеству самого сознания. И даже если эти пространства вкладываются одно в другое, образы из низших пространств не имеют сцепления с образами из пространств высших. Они слишком грубы. А вот образы более тонкие позволяют и лучше видеть то, что происходит в низших пространствах, и даже управлять ими. Тонкое правит грубым.

Поэтому очевидно, что если ты просто штурмуешь какую-то высоту, это один порядок усилий, а вот если ты учишься искусству покорения вершин, то взятие этой высоты становится более простой задачей, поскольку она учебная. Преодолевая себя и заставляя учиться и овладевать мастерством, мы колоссально уменьшаем затраты труда и сил

на те же самые дела.

Одно дело брать высоту, решая это как задачу прямо сейчас. И совсем другое, если ты научился брать высоты вообще, а сейчас лишь совершенствуешь свои умения, прилагая к этому частному случаю. Обученный решению каких-то задач разум не тратит наши силы зря, а значит, сберегает их для жизни. Но это именно разум должен быть обучен и побежден в первую очередь, потому что он – главное орудие человека в битве за выживание.

Именно поэтому, говоря о переходе в иное пространство сознания, я говорю о переходе в иной мир. Разум работает на основе образа мира, поэтому, если мы хотим, чтобы он заработал на полную, необходимо, чтобы он узнал в месте, где оказался, новый мир. Если разум узнает в том, что его окружает, признаки мира, он знает, что делать, и мгновенно начинает создавать Образ мира. Если он узнает новый мир, в нем включается исходный поиск признаков мира, который обеспечивает ему выживание при каждом новом воплощении.

Состояние после воплощения – самое творческое состояние, какое только дано человеку. Тогда, в раннем детстве мы все умели гореть... А кто не умел, тот не выжил. Поэтому осознать себя в новом мире – значит не только включить исходное состояние разума, но и обеспечить его постоянной подпиткой внутреннего огня. Нужно только, чтобы новизна мира была ужасающей, а переход в него безвозвратным.

Ужас и безвозвратность заставляют разум работать, как в старшем возрасте нам уже не дано. Это блаженное состояние, которое надо научиться достигать и удерживать, как можно дольше. Тогда преобразование становится неизбежным. Внутренний огонь выжжет все помехи способности думать и преодолению себя.

Именно этого и добивается йога, когда говорит о прекращении колебаний ума или сознания. Йога – читта вритти ниродха. Впрочем, это надо не запомнить, а понять с психологической точки зрения.

Глава 11. Работа разума

То, как обычно работает разум, я уже многократно описывал в других книгах. Суть проста: он решает жизненные задачи, либо добывая готовые знания, то есть спрашивая у других людей, либо рассуждая, либо представляя, то есть создавая образ задачи и образы всех действующих в нем лиц и условий. Всем этим действиям нас учит жизнь, поэтому мы осваиваем их естественно, и разум творится в соответствии с воздействием жизни. Если человек выжил, значит владеет этими способами думать.

Все три способа можно улучшить очищением, то есть убрав помехи работе разума. Это очевидно, как очевидно и то, что это не есть действительное улучшение самой способности думать. Как не является ее улучшением и обучение. Обучаясь, мы лишь нарабатываем использование способности думать в соответствии с теми или иными образами того, как это делать проще или точнее.

Сама способность думать остается при этом неизменной, поскольку она есть выражение способности сознания течь по плотностям знания о мире, в котором мы обнаруживаем себя, к желаемому. Именно эта способность сознания называется умом. Ум обеспечивает душе возможность жить в тех мирах, где она оказывается. И решает всегда две задачи: познает мир и обеспечивает достижение желаний.

Вполне естественно, что познание мира может идти в образах или как непосредственное его понимание. Там, где миры быстрые и все постоянно меняется, образы создать невозможно, поэтому думать приходится без образов, на основе прямого восприятия. Просто видеть и действовать. Так и работает собственно ум.

В медленных мирах, вроде нашего, возможно запоминание. Поэтому ум творит из вещества сознания образы, выделяя их с помощью некоего «обреза», то есть кожи или границы, из нерасчлененного потока восприятия. Такой ум русский народ прозвал разымающим умом или разумом. Знаменитое Фаустовское: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!», – и есть творение образа того, что постоянно течет и меняется.

Платоновское понятие об идеях захватило умы философов именно в силу того же внутреннего позыва остановить мгновение и сохранить его навечно. В каком-то смысле образы действительно неизменны, в отличие от вещей, с которых они сделаны.

Но на самом деле образы тоже вещи, как бы ни спорили с этим идеалисты и материалисты. И в силу своей вещности образы стареют, меняются и несут утраты. Поэтому одним из способов улучшения работы разума всегда считалось улучшение памяти. Другим – использование «правильных способов» рассуждения, то есть следование неким правилам, которые должны обеспечить точность рассуждения.

Множество «логик», как и «Рассуждение о методе» Декарта, были примерами таких заметок на память, позволяющих обеспечить верность рассуждения. При этом Декарт пришел к очень важному выводу: мы не ошибаемся в рассуждении, ошибки коренятся в исходных началах. Иными словами, рассуждение будет неверным, если за исходное положение рассуждения взято неверное утверждение или наблюдение.

Конечно, этот вывод должен быть уточнен психологически: если в саму способность рассуждать не вложено некое искажение. Но искажения устраняются очищением. И с учетом этого можно сказать: раз я жив, значит, сама по себе способность думать рассуждая у меня вполне соответствует требованиям этого мира. И ее не улучшить. Улучшать надо способность познания, то есть добывания и утверждения исходных оснований.

Основания утверждаются, потому что должны быть твердыми. Они есть твердь, на которой работает разум. Твердь же – это земля.

Уже сказанного достаточно, чтобы понять: чтобы улучшить работу разума и вообще хоть как-то изменить его, нужно сменить мир. Когда математики или физики учатся решать сложные задачи, они в действительности создают предположения, что где-то есть миры с такими условиями. И тогда им удается выскочить за рамки обычного человеческого разума. Вот это есть подлинное изменение способности ду-

мать.

Если удалось создать иной мир хотя бы в воображении, дальше ум делает все сам, и если разум в этом новом мире возможен, ум изменится в соответствии с условиями этого мира и превратится в измененный разум. Таким образом, работа над изменением своей способности думать должна идти как работа по изменению своего мира. Просто усилением разума не изменить, это будут пустые потуги.

К сожалению, создание иных миров с иными законами порой слишком легко дается людям, приводя их сознание к шизофреническим расколам и потере разума. Соответственно, многие из величайших «открытий» человечества потому и поразили воображение ученых, что в действительности ничего не открывали в настоящем мире. Это были шедевры творения искусственных миров, более подобные полотнам живописцев, чем знаниям, которые и есть цель наук.

Как бы там ни было, но, если мы хотим увеличить успешность своего разума, мы либо должны осознать, как мы уже умеем думать, и убрать помехи имеющимся способом, либо усложнять миры, в которых хотим быть успешными. Последнее вполне доступно человеку и без творения воображаемых миров. Достаточно понять, что нашими душами любые сообщества, в которые мы переходим, воспринимаются как миры с иными условиями, а часто и законами существования.

Поэтому улучшение работы разума, то есть думания, не ведется как улучшение самой способности думать, а строит-

ся как приспособление имеющейся способности к условиям, в которых вы оказались или можете оказаться. Тем самым, мы опять оказываемся в познающей части работы ума.

Это первое, что надо принять: хочешь думать успешней – научись лучше наблюдать и познавать мир, а затем воссоздавать в воображении или игре условия познаваемого мира, куда собрался войти.

Но есть и второе. Оно тоже строится на основе наблюдений за работой разума и его устройством. Разум обеспечивает наше выживание, решая множественные задачи, которые ставит перед нами жизнь. Задачи эти так или иначе создаются на основе восприятия в виде образов задач. А значит, заполняют наше сознание, как некое хранилище. В этом смысле устройство разума пространственно и как-то соответствует Образу мира, в котором мы живем.

В действительности оно гораздо больше соответствует той части Образа мира, которую мы избрали считать путем к своим высшим ценностям. Мазыки называли такие пути Водьями, а психология – мировоззрениями. Мировоззрение – это та часть Образа мира, которой ты ограничиваешь свое отношение к миру, чтобы не разбрасывать силы и достичь сияющей в конце пути вершины.

Это не значит, что ты при этом не воспринимаешь остальной мир. Ты его видишь, но как тень, потому что он перестает иметь для тебя ценность и значение: все для победы! Именно это и определяет работу разума.

Он отбрасывает все лишнее и собирается на значимом. Например, если ты считаешь своей победой богатство, то начинаешь всюду видеть деньги и перестаешь видеть душу... Душа от этого не пропадает, как не исчезает, к примеру, тело для религиозных фанатиков, и даже очень им вредит в их духовных прорывах. Так и душа сильно вредит тем, кто решил без нее обходиться.

Как вы понимаете, если для вас нет ничего кроме избранного, то ваш образ мира крайне неполноценен, а разум решает задачи так, что они не ведут к счастью. Вам все время что-то или кто-то мешает. Например, душа, тело или близкие. Как если бы ваш разум, подобно одержимому ученому, пытался что-то сделать, сосредоточившись на этом, а его подталкивали под локоть собравшиеся вокруг люди, про которых ты заявил: вас нет! Вы мне мерещитесь!

Решение задач в неполном образе мира всегда ущербно. И если вы хотите увеличить успешность своего разума, необходимо восстановить способность видеть мир полноценно. Именно об этой величайшей помехе лучшим задумкам говорили Брежнев и Горбачев, как о том, что сломало Советский строй: человеческий фактор!

Итак, второе условие успешности думания – это способность замечать помехи думанию, приходящие из-за границ задачи. Нам свойственно ограничивать себя минимально достаточными условиями. И это возможный прием, позволяющий приступить к решению задачи. Он работает, как рабо-

тает и думание, в знаках или символах. Но минимально достаточные условия – это всегда неполные условия, а потому часто просто недостаточные условия.

Чтобы разум работал успешно, необходимо научиться восстанавливать условия задачи как можно полней. В науке эта часть науки думать называется экспериментальной проверкой.

Но есть и третье условие. Оно тоже вытекает из устройства разума. Разум постоянно решает множество задач, условно говоря, одновременно. В действительности, это задачи существуют одновременно, а разум может работать только последовательно. Поэтому он скачет от задачи к задаче с огромной скоростью. Вот это и является причиной того, что многие из наших задач очень долго остаются нерешенными.

Чтобы повысить успешность думания, необходимо научиться удерживать разум на решаемой задаче как можно дольше. К этому ведут два пути: освобождение и обуздание.

Освобождение разума называлось у мазыков целеустройством. Суть его предельно проста: необходимо уменьшить количество задач, которые одновременно стоят перед разумом. Желательно, чтобы их было семь плюс-минус две. Это количество определяется устройством самого разума, точнее, той части сознания, где разум решает свои задачи. Она называлась мерешкой.

Как делается целеустройство, я уже писал в других работах. К сожалению, в быту чрезвычайно сложно свести коли-

чество задач к минимуму. Жизнь постоянно подбрасывает новые.

Но даже после того, как количество задач предельно уменьшается, сам принцип работы разума сохраняется, и он продолжает дергаться, убегая от избранной вами задачи. И вот тогда приходится учиться удерживать разум на избранном. Иное название для этого обуздания разума называлось йогой. Конечно, я имею в виду лишь йогу ума или Раджа йогу.

Впрочем, этой «йогой» владели не только в Индии. Сама по себе задача уметь удерживать ум на избранном, собирая и сосредоточивая его, настолько естественна, что странно было бы считать ее монополией лишь одного народа. Все народы рождают время от времени гениев, и каждый из них – пример владения способностью жить одной, но пламенной страстью.

Часть вторая

Углубление внимания

Никакая работа разума невозможна без использования внимания. Поэтому мы все естественно управляем вниманием. Однако большинство из нас недовольны собой в этом отношении. Каким-то образом мы все чуем, что вниманием можно и нужно управлять лучше.

Чтобы решить сложную задачу, нужно собраться и собрать внимание. Точнее, его нужно суметь направить на эту задачу и удерживать на ней до тех пор, пока задача не будет решена. И все это время ничто не должно отвлечь внимание. Это первое условие его собирания, однако, решение задачи этим не исчерпывается.

Не менее важно охватить вниманием все, что может относиться к задаче. И это действительная сложность, потому что к задаче может относиться то, о чем мы даже не подозреваем. Легко удерживать внимание на том, что изначально необходимо для решения задачи. Вернее, удерживать его, может быть, и непросто в действительности. Но ты всегда знаешь, к чему его надо вернуть. Совсем другое дело, если ты даже не понимаешь, что может относиться к делу. А значит, что нужно держать во внимании.

Есть случаи, когда ты просто не можешь знать, что вхо-

дит в появившуюся задачу. Как выявить все относящееся? В других случаях все становится очевидно после того, как задача решена. И даже более: решив задачу, ты понимаешь, что все было очевидно и по ходу решения.

Как выявить все относящееся к задаче? И как видеть очевидные связи, позволяющие взглянуть на дело шире или под другим углом?

Это вопросы Науки думать. И они далеко не единственные, возникающие у человека, задумавшегося о самосовершенствовании. Но все они так или иначе связаны с тем, как сделать внимание глубже, а разум действенной.

Глава 1. Рассеянность

Итак, после долгих усилий и большого количества проб и ошибок ты все же решил свою задачу и теперь, глядя на сделанное, понимаешь, что все необходимое для ее решения было у тебя перед глазами. Ты даже смотрел на ту ниточку, за которую нужно было потянуть, неоднократно, но внимание твое вдруг бросало ее и перебегало на что-то иное. Что это? Может быть, какой-то вид рассеянности?

А что такое рассеянность?

Психологические словари не очень любят это понятие, поэтому оно либо отсутствует в них, либо повторяется определение словаря Л. А. Карпенко, созданное в 1985 году:

«Рассеянность – функциональное или органическое нарушение способности к сосредоточенной, целенаправленной деятельности. Иногда рассеянность возникает при напряженной умственной работе как результат односторонней сосредоточенности. В качестве дефекта произвольного внимания рассеянность может быть обусловлена разнообразными факторами: от утомления и отсутствия соответствующей мотивации до тех или иных клинических расстройств, зачастую связанных с нарушениями мышления».

Определенно, явление, описанное психологами под именем рассеянности, может иметь отношение к нашему случаю. Но столь же определенно, это не ответ. Во-первых, дан-

ным определением явно не покрывается все поле нашей задачи. Во-вторых, и это я уже должен добавить от себя, многие психологи писали о рассеянности более подробно, но среди доступных мне текстов не было ни одного, который пошел бы глубже и смог хоть что-то объяснить.

Все они просто еще что-то добавляют к исходному определению. Как, например, определение из «Психологического иллюстрированного словаря» И. М. Кондакова:

«Рассеянность – расстройство внимания, характеризующееся нарушением способности к сосредоточению, сравнительно долгому по времени, на каком-либо объекте. При этом страдает и концентрация внимания, и способность к его перераспределению...».

Все исследования внимания страдают подобными болезнями: с одной стороны, для них ничего не стоит создать два понятия «сосредоточение» и «концентрация» внимания только потому, что существует такая возможность – есть же два слова! и их несколько не смущает, что это просто одно и то же, но на разных языках. С другой стороны, все они могут сказать, что рассеянность – это нарушение способности к сосредоточению, но никто не исследовал, что такое сосредоточение, и вообще, существует ли такая способность. А если существует, то у того, кто ее носитель?

Все ответы для психологов почему-то очевидны, и это либо субъект, либо человек. Так же очевидно для них и то, что могут быть «клинические расстройства, связанные с нару-

шением мышления». Что имеется в виду, не так-то просто понять. Очевидно, помещение человека в клинику сильно расстраивает его мышление... В действительности же я не издеваюсь над неточным языком науки, а как раз показываю, что в большинстве их построений не определен носитель свойства, качества или способности.

Сказав «клиническое расстройство», психолог просто перенес ответственность на клинициста: мол, врачи зря лечить не будут, наверное, там и вправду что-то не в порядке. Но что с человеком в действительности, что есть настоящая причина расстройства мышления, о котором идет речь? Помещение в палату? Или же телесная травма, что значит, что и носителем способности мыслить было тело. Или же у человека нарушено вовсе не мышление, а некие способности использовать его в этой телесной жизни?

Очевидно и то, что в данном случае речь идет не о мышлении, а о способности думать. И это точно наш случай.

У меня нет клинических повреждений, но я не решил задачу, хотя и мог. У меня нет расстройства внимания, характеризующегося нарушением способности к сосредоточению, если только не считать, что мы все больные. У меня, так сказать, норма, а норма в этом отношении такова, что обычный человек не хозяин своему вниманию, из-за чего думает хуже, чем мог бы и уж точно хотел!

У меня, так сказать, полное здоровье, и это-то и плохо. Я бы хотел от него вылечиться и думать лучше. А для этого

мне надо как-то углубить свое внимание, добиться от него способности задерживаться на важном дольше, чем оно делает это само. Ведь оно не раз видело то место или ту вещь, которая привела бы меня к победе, но бросало ее и перескакивало на другое. Почему оно не смогло задержаться на важном дольше? Настолько дольше, что это дало бы прозрение.

А ведь это единственное, что было нужно в данном случае: задержать внимание на решающем месте чуть дольше, и ответ пришел бы. Просто вспомните какую-то свою задачу или понаблюдайте за собой, когда будете решать такую задачу, которая сходу у вас не решается. И вы обнаружите, что решение пришло после того, как вы пригляделись к нужному чуточку внимательней. Но при этом вы вспомните, что и в ходе раздумий вы неоднократно возвращались к нему.

Значит, общее количество внимания, которое было уделено решающему месту, складывается из всех обращений вашего внимания к нему. Сложите их просто по количеству, и вы поймете, насколько вам надо углубить ваше внимание. Если вы обращали внимание на это место три раза, значит, в три, если десять, значит, в десять.

Это означает, что ваше внимание должно стать в три-десять раз медленней, чем оно есть. Иными словами, если вы будете задерживать внимание на всем, что связано с очередной задачей, в три-десять раз дольше, то думать вы будете дольше, но зато решения находить с первого раза.

Этот ответ сам вызывает вопросы. Например, такой: а ка-

ким образом замедлить внимание? Или такой: а разве одного замедления внимания достаточно, чтобы решить задачу? Разве для этого не надо делать какие-то усилия или мысленные действия, которые не относятся ко вниманию?

Обо всем этом стоит поговорить особо.

Глава 2. Внимание и разум

Как вообще способность думать связана со вниманием? И могут ли расстройства разума ухудшать внимание?

Давайте сразу оговоримся: мы вообще не рассматриваем расстройства разума. Мы говорим о вполне здоровом человеке, так сказать, о норме. Те, у кого есть отклонения от нормы в ту или иную сторону, сами соотнесут себя с этим состоянием.

Да и нет никакого смысла путать себя дополнительными сложностями. Мы и норму-то определить не в силах, зато, при всей широте этого понятия, мы вполне в состоянии запутаться в очевидном. Пусть расстройствами занимаются психиатры, а мы будем исходить из того, что любой человек, способный просто задуматься об углублении внимания, не просто нормален, а по-своему неординарен. Вот для таких я пишу.

Итак, считая себя нормальным в смысле расстройств разума и весьма неглупым в сравнении с другими человеком, я отдаю себе отчет, что мог бы думать и побыстрее. Тем более я недоволен собственным вниманием, которое постоянно готово сделать меня жертвой любого фокусника или мошенника. Оно, конечно, как-то обслуживает мою жизнь, но не в силах уследить за тем, как фокусник достает из рукава не только карты, но даже кроликов! Плохо ли это?

Если вы посмотрите фильмы о том, как мошенники и фокусники дурят людей, вы посчитаете, что у вас плохое внимание и его надо бы улучшить. Но после этого вы ничего не предпримите. И это тем поразительней, что случилось с вами неоднократно. Мы все поражаемся тому, как ловки бывают другие люди, как здорово они управляют вниманием, но, поохав, отправляемся не совершенствоваться, а делать бытовые дела...

Впрочем, мы отправляемся именно совершенствоваться! Но в главном и самом нужном – в бытовых делах. А все чудеса и фокусы остаются в числе малозначительного.

Именно так устроен наш разум, потому что именно он это с нами и делает. Вот самый удивительный фокус в нашей жизни! Разум отчетливо знает, что для нас главное, и никакие подмены невозможны. Поэтому, если вы хотите углубить свое внимание, это должно быть осознанно вами как разумная и очень насущная задача. Иначе говоря, вы должны постараться, чтобы разум это принял.

Что же такое разум? Не вдаваясь в лишние тонкости, определяю его в рамках нашей задачи как устройство сознания, обеспечивающее выживание человека с помощью думания, то есть создания и использования образов. Это не значит, что мы не в силах преодолевать жизненные препятствия как-то иначе, но если речь идет о разуме, то он работает только в образах и с помощью образов. И всегда в виде решения задач. Иначе, как задачно, разум работать не может. Это

первое.

Следующее, что обязательно надо понимать про разум, – это его целеположность. Иначе говоря, вся работа разума увязана в стройную пирамиду из целей, которые ведут к главному. Иначе говоря, что бы мы ни делали, это нужно для чего-то следующего – более высокого и важного, и без него не достижимого. В этом смысле любая цель – это ступень на единой большой лестнице. Ее достижение открывает следующую ступень. А достижение возможно лишь как решение задачи.

Порой нам кажется, что мы заняты чем-то пустым или посторонним. Еще чаще – мелким. Бытовые задачи всегда кажутся нам мелкими и незначительными в силу их привычности и повседневности. В общем, хорошо там, где нас нет, а ценное и красивое – все иностранное, чужое, далекое, но только не свое. В обычной жизни русского человека ничего красивого и великого быть не может...

При этом мы живем этой обычной жизнью и ничего в ней не меняем. Мы завидуем всяческим мастерам и виртуозам, но не работаем над собой. Почему? Потому что мы глупы и бездарны? Нет, это не так. Русский человек не глуп и не бездарен, но он очень сильно привязан к своей судьбе, как если бы на нем висел огромный груз, не дающий ему взлететь. Оковы судьбы, вяжущие русские крылья, – это глубинное знание, что ты должен пройти именно те испытания, которые скрыты в обычной жизни, в быту.

Наш быт – это не просто наша судьба, в нем скрыта главная задача воплощения, и все целеустроение привязано к ней. Поэтому все ступени наших целей ведут в быт, привязывают нас к нему и не позволяют отвлекаться на пустяки, как бы заманчивы они ни были. В быту скрывается такое величие, какого мы не в силах найти в самых ярких делах, поэтому есть смысл выстраивать свой быт и делать его произведением искусства. Это оправдывает любые затраты. Но это к слову.

Важно еще одно условие работы разума – он определяет внимание, куда ему быть направленным. В действительности разум сам по себе не в силах решать никаких новых, творческих задач. Для этого нужно понимание, а оно невозможно в образах. Разум лишь готовит задачу для своего хозяина, для того, кто может понять. Можно условно сказать: для меня. Он выкладывает некую последовательность из образов и просит обратить на нее внимание.

Внимание нисходит на эти образы и вникает их туда, где происходит рассмотрение, то есть вникает, так сказать, в высший Ум. И если образы выложены верно и их достаточно, я пойму задачу, и тогда разум создает следующие образы – образы действия. И моя жизнь изменится. Но разум – не более чем секретарь, писец, описывающий жизнь образами. И это нельзя упускать из виду, когда пытаешься понять, как углубить внимание.

Внимание недоступно нашему воздействию, с ним вооб-

ще ничего нельзя сделать в этом мире. Оно – из высших способностей, лишь нисходящих в этот быт ради задачи нашего воплощения. Но это не значит, что совсем не доступно воздействию внимания. Сделать с ним как раз можно и нужно многое. И главное, именно в этих изменениях и скрывается смысл жизни и то, зачем мы воплощались.

Однако суть этой задачи – в переустройстве разума, а не внимания. Внимание недоступно прямому воздействию, но оно всегда следует за тем рисунком задач, что выкладывает разум, чтобы обеспечить выживание и жизнь.

Измени рисунок, измени разум, и внимание перестанет скакать так быстро, оно станет медленней, а значит, и глубже.

Сделать внимание глубже, значит, уменьшить количество задач и увеличить прозрачность разума. Чем он прозрачней, тем ясней – увеличение ясности разума – смысл воплощения.

Глава 3. Ясность сознания

Глубина внимания определенно связана с ясностью сознания. И как вы догадываетесь, способность решать задачи тоже увеличивается с прирастанием ясности, потому что ясность достигается убираением лишнего и помех.

Однако сами понятия «лишнее» и «помехи» возможны лишь в том случае, если уже определено, что не лишнее, и чему можно мешать. Иначе говоря, чтобы очищать сознание, надо знать, что для тебя главное, для чего ты живешь. А вот это нам чаще всего и не дано, а когда так случается, что человек уверен в том, что есть смысл его жизни, более чем вероятно, что он ошибается. Именно такие уверенные в своем пути люди оказывались самыми кровавыми тиранами в истории человечества.

Как же быть? Как достигнуть не просто ясности сознания, а той ясности, которая ведет тебя к действительной цели воплощения? В русском языке и в русской культуре не было понятия «просветления», как его использует буддизм. Православие говорило о конечном достижении как о святости, а народ – как о мудрости и ясности ума. Но вполне можно использовать понятие просветления, чтобы разобраться и с ясностью. Все великие учителя просветления постоянно говорят, что не надо доверять первым признакам просветления, они могут быть ложными и окажутся ловушкой. Поверив в

себя, человек прекращает движение.

Вот так же и ясность может быть ложной. Для фанатика или сумасшедшего, одержимого одной идеей, тоже все ясно. И поскольку он живет лишь одной, но пламенной страстью, он в состоянии избавиться от всего, что мешает ей. И у него наступает относительная ясность ума: ничего лишнего в сознании, только главное! и это главное – сумасшествие... Как не попасть в такую ловушку?

Остается только думать и исследовать. Уже одно это означает, что ты разумен и свободен, а значит, никакая страсть тебя еще не захватила. Но как думать в этом случае и на что смотреть?

Прежде всего, придется признать некоторые закономерности нашей жизни. Одну из них я уже описал в прошлой главе. Мы все восхищаемся ловкими фокусниками, мы все им завидуем и хотели бы так же работать и телом, и со вниманием, но не работаем, а занимаемся бытовыми делами. Это не может быть случайным. Как не может быть случайным и то, что нам, для того чтобы сменить образ жизни, необходимо всего лишь испытать ощущение где-то в груди. И каждый его знает, потому что испытывал: все, мне это больше не нужно и не интересно! и тогда жизнь меняется!

Так происходят самые решительные изменения в наших жизнях, начинаясь с ощущения в груди. Для тех, у кого есть душа, очевидно, что это ощущение испытывает душа. И я позволю себе исходить именно из этого: чтобы сменить об-

раз жизни, необходимо, чтобы моя душа поняла, что она исчерпала возможности предыдущих условий. И разум бессильен в этом случае, он не может сам ни изменить жизнь, как бы разумным это ни казалось, ни отказаться от изменения. Если душа решила, разум будет думать, как это устроить.

И если это верно отражает действительность, мы можем записать следующую закономерность: пока ваш быт решает какие-то важные душевные задачи, душа не позволит его изменить. Даже чтобы развестись, нужно, чтобы что-то до конца выгорело, а что-то накопилось. И пока душа не созреет, будешь мучиться, будешь портить жизнь и себе и своей паре, но не уйдешь.

Но это же самое означает, что души прекрасно знают, чего они хотят, и уверенно получают это, удерживая нас в нужных условиях. Иными словами, именно условия нашей жизни и есть те главные знаки пути, которые стоит исследовать, чтобы понять, ради чего ты живешь. В них скрыто главное, зачем душа приходила.

Конечно, есть и другой способ понять это: просто заглянуть в свою душу или в глубину самого себя. Ведь это моя душа, и она не может быть для меня закрыта. Собственно говоря, это и есть я! Но вот беда, оказывается, не только чужая душа потемки. Даже для того, чтобы читать собственную душу, необходима та самая ясность, за которой мы охотимся.

Чтобы спокойно понимать свою душу, необходимо быть как бы единой с нею чистоты. Это состояние вполне можно

обрести, но это и есть обретение ясности. Более того, есть ощущение, что обретение такой ясности сознания и есть та душевная цель, ради которой душа помещает себя в земные условия. Иначе говоря, хотим мы того или не хотим, но сама наша жизнь учит и чистит нас. И, вероятно, что однажды любой человек достигнет ясности и цельности, даже без усилий, просто потому что живет и мучает самого себя.

Но почему бы этого не достигать осознанно? И не так долго?

Как бы там ни было, но мы точно можем окинуть свою жизнь единым взглядом и увидеть ее как путь, пролегающий через определенные жизненные обстоятельства. Их было не так уж много: детство, отрочество, юность, возмужание, взрослая жизнь, матерость. А если прокинуть взгляд в будущее, то там меня, скорее всего ждет старость, а может, и мудрость. Эти возрастные состояния назывались вежами.

Каждая вежа – это иной мир, а в нем иная жизнь. Но эта жизнь наполнена обычными для нас бытовыми делами, в ходе которых ты чему-то учишься и как-то меняешься. И это составит багаж твоего воплощения, когда жизнь оборвется. Иначе говоря, именно это ты будешь иметь перед глазами, когда в миг ухода задашься вопросом: так в чем же был смысл моей жизни, зачем я приходил?

Где-то тут, посреди бесчисленного шума и суеты бытовых взаимоотношений, прямо перед глазами скрывается главное, оно как почтальон в кустах, все время здесь, причем, на-

столько здесь, что ты только им и живешь. И при этом оно невидимо и вообще – тайна существования. Замедлить внимание надо даже не для того, чтобы лучше решать задачи, а для того, чтобы рассмотреть, зачем ты здесь!

Можно совершать очень много лишних действий, и тогда они и будут казаться смыслом существования. Но это обман – они лишь смысл твоей деятельности. Смени деятельность – и прошлые действия покажутся бессмысленными до отворачивания. А ты почувствуешь, что забыл большую часть своей жизни, растратил ее впустую.

Главное – это понять главное. А чтобы понять, надо научиться его видеть. Тогда ты не будешь тратить жизнь и силы зря.

Глава 4. Видеть главное

Как видеть главное, и что есть главное? Какие вообще есть способы оценки? По значимости событий? Но для кого эта значимость? Я помню начало девяностых и танки на улицах Москвы. Как раз проезжал через Москву, возвращаясь с какого-то семинара. Революция 91-го года – это значимо? Но я просто свернул с той улицы на боковую и даже не стал читать газеты. И годы спустя, вспоминая тот случай, я понимаю, что поступил верно. Государственная значимость события ничего не значила для моей души.

Зато то, что я в том же году ушел с работы и начал вести семинары, поменяло всю мою жизнь. Такая мелочь – семинар по русской народной культуре – был значимей государственного переворота. Как оценивать значимость происходящего с нами? Похоже, основной способ – окинуть в конце жизни все прожитое единым взглядом и понять, что было поворотными пунктами твоей жизни. Вот эти изломы судьбы и были тем, ради чего ты приходил.

Они соответствуют большим задачам, на решение каждой из которых требуются годы. Когда задача решается, завершается один отрезок жизни и начинается другой. Но что было задачей?

Вот я учился в школе, затем ее закончил и поступил в институт. Был ли этот переход изломом судьбы? Но я пом-

ню, что начал готовиться к поступлению за два года и ездил в университет заниматься на «факультете старшеклассников» – своеобразном подготовительном отделении для школьников. А потом просто учился, как и в школе. Только с большей охотой. Как будто и не было никаких изменений в жизни.

Зато во время учебы курсе на третьем я почувствовал, что истощил свою тягу к основному предмету – истории. Как раз началась история советского периода и КПСС, и это было тоскливо. И я сдавал экзамены по шпаргалкам. Зато стал охотно изучать английский, который был вторым предметом. И я ощущаю, что это был излом судьбы.

Эти изломы не совпадают ни с государственными, ни с общественными событиями. Они даже в возраст не очень укладываются. Зато они точно связаны с истощением душевной охоты. Изломы судьбы – это история души и ничего, кроме нее.

И вот поразительная вещь: душа не живет революциями и карьерными скачками. Она словно бы мельче всех подобных событий. Но при этом именно она правит нашей жизнью и определяет, ради чего ты будешь жить. Почему наши оценки главного так расходятся с оценками души? Как будто этих душ две, ведь мы искренне хотим многих вещей, которые считаем важными, но стоит душе воспротивиться, как отказываемся от всего.

Вероятно, вопрос не в двоедушии, а в том, что для ду-

ши есть главное и второстепенное. И, несмотря на то, что многие вещи становятся важными в ходе общения с другими людьми, все же важнее не то, что ценно для тела или для личности, а то, зачем пришла душа. Все остальные ценности – ловушки рассуждения, в рамках битвы за выживание вообще или за выживание в обществе. Это ценности битвы, а не ценности жизни.

Битвы захватывают, и потому победы в них затмевают то, ради чего битвы начинались. В итоге мы начинаем ценить средства достижения целей выше самих целей. И это верно: если вы сражаетесь за деньги, вы всегда можете спросить себя: зачем они? И найдется ответ. Точно так же и в отношении власти или силы. Но в отношении любви это гораздо трудней.

Большая часть того, что мы считаем значимым, нужна ради достижения чего-то простого и вполне бытового – счастья, любви, покоя. Вот в этом, вполне философском пространстве, и надо искать ответы на вопрос, что есть главное. Душа приходит за чем-то чрезвычайно простым, вроде душевных свойств и качеств. Но простое оно только на первый взгляд, да и то потому, что привычно. Но если задаться вопросом, сколько лет или жизнью ты работаешь над тем, чтобы, к примеру, не раздражаться или не смеяться над слабыми, то есть над широтой души, то станет очевидным, что мы прикоснулись к сложнейшим вопросам.

Так что есть главное лично для тебя? Над чем ты бьешься

из года в год и так и не видишь завершения? Что не поддается никаким твоим усилиям и не уходит из жизни?

Глава 5. Простые задачи

Мы должны углубить внимание до такой степени, чтобы начать видеть самые простые задачи, которые решали в жизни. Это само по себе весьма непростая, многоуровневая задача, которая может поменять всю жизнь.

В действительности мы хорошо осознаем лишь то, что создано разумом, потому что для него есть четкий и определенный образ. Это и есть первый уровень нашего обучения: осознать те задачи, которые созданы разумом ради достижения избранных тобою целей. Делается это с помощью целеустройства.

Второй уровень задач, которые часто занимают нас по жизни, можно назвать сумасшествиями. Это явно чужое в нашем сознании, вошедшее через так называемые западки как называли мазыки. Все они – предмет кресения и должны быть убраны, чтобы появилась возможность обнаружить что-то более тонкое.

Более тонкое – это содержание слоя сознания между целями и сумасшествиями. Но и этот слой неоднороден. В нем определенно имеются образы, которые можно назвать движениями личности.

Личностный слой задач – это огромное поле самых разных действий, которые мы осуществляем по жизни. Они все направлены на то, чтобы как-то утвердиться в обществе, и

это их отличительный признак. Личность – это вообще тонкое тело, созданное для выживания в мире-обществе. Однако и разумные цели могут быть направлены на общество, поэтому отнесение обнаруженных задач к личностным не всегда просто.

Впрочем, есть еще один признак, который при возрастании самоосознавания становится совершенно однозначным. Разумные цели всегда увязаны в лестницу, которая уводит все выше и выше, так что конец ее теряется в неосознаваемой высоте. Цели же личностные довольно быстро приводят к я хочу. Иначе говоря, начав разбираться с непонятной целью, вы можете прийти к тому, что за ней личное удовольствие от того, как к тебе будут относиться другие. Значит, эта задача решается вашей личностью.

Таким образом, можно выявить все личностные задачи, и это, вероятно, было бы очень полезно для самопознания. Вначале, правду сказать, такое самопознание весьма болезненно в силу природы личности. Эта странная сущность, хоть и является на деле лишь телом, но ведет себя, как существо, и строит свою жизнь по типу сумеречной твари. Иначе говоря, личность должна творить свои делишки тайком и очень не любит, чтобы ее разоблачали.

Разоблачать – значит снимать одежды. В случае с личностью они называются облики и личины. И неприятно это личности потому, что под ними открываются весьма отвратительные обличья, и становится ясно, что личность у тебя

сама по себе гадкая, но создала приятный и красивый образ, которым обманывает людей.

В общем, когда работа касается личности, она испытывает боль от разрушения и передает это ощущение тебе. И тут же принимается вредить. А ты непроизвольно сопротивляешься сам себе.

Тем не менее, целеустройство и кресение в состоянии настолько ослабить личность, что она становится вполне управляемой, а затем и совсем пропадает, переходя в искусство создавать не облики, а нужные образы. При этом снаружи никто не в силах заметить, что у вас нет личности, или сказать, что вы слабая личность. Знаменитое советское: человек должен быть личностью, означает всего лишь то, что ты должен обладать силой и самостоятельностью. А это гораздо лучше достигается с помощью разума и его образов, поскольку личность – это всегда набор неких образцов поведения, позаимствованных у других людей.

Все личностные задачи должны быть соотнесены с вашим разумным целеустройством. А цель – занять место в обществе, должна быть перенесена в целеустройство в виде: занять необходимое для решения моих задач место. Именно необходимое, и для того, чем вы намерены жить. Как только вы осознаете, что подобное место – это средство и орудие для достижения главного, вы просто решаете это как задачу и занимаете такое место. И личность теряет смысл. Она жива лишь до тех пор, пока преследует неопределенную цель – за-

нять лучшее или достойное место.

Место в обществе – это инструмент, которым надо обладать. И иногда менять, чтобы он точно соответствовал тем задачам, которые вы решаете.

Итак, вот три шага и три вида работ, которые должны быть проделаны: кресение, целеустройство и освобождение от личности. В ходе их должно исчезнуть все лишнее, что хранилось в вашем сознании, а оставшееся настолько упорядочиться, что любая странность станет бросаться в глаза.

Именно эти странности и являются предметом дальнейшей работы. Среди них скрывается то, что мы называем простыми задачами. Их действительно не видно на фоне того планов громадьа, которым ворочает личность. Они не просто простые, они еще и тихие. К тому же они неяркие и неброские, поэтому, чтобы их рассмотреть, нужна определенная ясность сознания. Но у тех, кто занимался кресением, целеустройством и освободился от зависимости от личности, ясность уже достаточная.

Глава 6. Странности

Писать о странностях, которые существуют в нашем сознании помимо разума, мышления, личности и сумасшествий, довольно трудно. Для этого нужно иметь иную скорость внимания, иную его глубину. Как раз то, что мы и пытаемся обрести. Впрочем, похоже, иного пути нет. Очевидно, самопознание возможно только так.

Что же мы можем обнаружить в собственном сознании после целеустроения, кресения и освобождения от личности? Очевидно, что там существуют рассуждения, мышление и здравый смысл. Однако, при внимательном рассмотрении мы довольно быстро понимаем, что рассуждение – это деятельность рассудка, а он – часть разума. Как и воображение или фантазия, как мы ошибочно называем собственную способность придумывать различные образы и миры. Придумывание – это вид думания.

Как только нам удастся отнести подобные вещи к разуму, мы успокаиваемся и в дальнейшем легко распознаем их просто как работу разума или сам разум. Возможность отнести нечто в сознании к разуму резко повышает ясность.

Точно так же происходит с мышлением и здравым смыслом. Достаточно единожды понять, что мы-слить и с-мысливать – относится к выживанию в обществе, то есть к «мы», как появляется спокойная уверенность – это то, что

обслуживает личность, значит, должно быть заменено на разум. Действительно, мышление все состоит из образцов, то есть лучших находок разума, которые были закреплены в памяти на будущее. Но если эти образцы создал разум, значит, он может заново решить любую из подобных задач.

А вот личность не может, поскольку ей думать не дано. Она может только исполнять образцы.

Вот и здравый смысл – это, условно говоря, народная или бытовая мудрость, которая хранит уже найденные решения на будущее, так сказать, про запас. Но эти решения тоже лишь находки разума, закрепленные в памяти, а потому мертвые. Вы можете тратить силы на то, чтобы их хранить, а можете думать и спокойно решать заново любые задачи, которые ставит перед вами жизнь.

При этом отказ от мышления и здравого смысла вовсе не означает потерю памяти или слабоумия. Ничто не теряется и ничто не может запретить вам вспомнить, как вы решали подобные задачи раньше, или как их решали другие люди. Просто вы не будете, узнав задачу, тупо включать подходящий образец, а подумаете еще раз, создав точный образ решения. И очень вероятно, теперь он будет лучше, потому что вы совершенствуете свой разум.

И еще одно преимущество разума: думая, вы каждый раз полноценно исследуете условия задачи, а не применяете уже готовое решение из прошлого. И вот чудо: эти условия каждый раз чуточку иные даже в сходных задачах. Мир не по-

вторяется, и люди меняются. Так что одной и той же задачи не бывает. Чем вы точнее в решении задач, связанных с другими людьми, тем счастливее ваша жизнь.

И мышление, и здравый смысл – это лишь жизненный опыт, в этом качестве их и надо держать. А задачи решать разумом. Как только это будет принято, ваше сознание резко упростится, и из него исчезнет множество странностей. Но это не те странности, что мы ищем. Нам надо идти глубже, туда, где для происходящего нет имен.

Отсутствие имен – это важнейший признак погружения в глубину. И нет другого способа углубить внимание, кроме как погрузив его в сознание глубже. Глубже – это там, где кончаются странности, которые после некоторого рассмотрения можно отнести к чему-то нам известному. По большому счету, это поля сознания, о которых наука либо не знает ничего, либо знает мало и говорит путано.

Глава 7. Безымянное

То, что не имеет имени, существует, но невидимо, и потому забывается. Его словно бы и нет... Имя – великое изобретение божественного ума, который греки звали Логосом. Имя изобрел бог, но имена раздает человек. Именно ему даровано дать имена всему сущему.

После того, как имена розданы, то, что имени не получило, как бы и существования лишается...

Вот так живут глубины нашего сознания. Все его содержания так или иначе можно отнести к определенным источникам образов, после чего оставшееся становится невидимым. И нужно обладать немалой силой, чтобы, заметив его, удержать на нем внимание. Когда внимание удастся удержать достаточно долго, безымянному удастся дать имя. Но и после этого его существование непрочно, пока не удастся связать его с определенным источником.

Разные культуры и в разные времена переоткрывают безымянное заново, а затем забывают, поскольку не смогли связать с чем-то явным и относящимся к постоянно используемым понятиям. Так век назад исчезла целая наука пневматология, изучавшая дух. Просто растворилась, поскольку не осталось ни одного хранителя ее знаний. Точно так же исчезает все, что относилось к знаниям о душе, поскольку душа стала не нужна в нашем мире... Такова судьба всех тай-

ных искусств, которые не сделали общедоступными науками. Йога, гунфу, русская рукопашь исчезли, потому что вырастали из тайного знания.

Когда умирает очередное тайное искусство, человечество становится беднее знаниями о человеке. Современные анатомия, физиология и психология – варварские науки позднего средневековья, затянувшегося до третьего тысячелетия...

В пространстве сознания, лежащем за пределами разума, мышления и сумасшествий, то есть чужеродных образов, попавших в мое сознание помимо моей воли, существует целый мир осторожных ночных зверей, которые ведут тайный образ жизни и не любят, чтобы их рассматривали. Хочется сказать, что они не любят появляться на глазах, но это не совсем так. На глаза они все обязательно появляются, иначе их бы и не существовало для нас. Но вот рассматривать себя они не позволяют. А мы и не настаиваем.

Тем не менее, когда удастся дать им имя, они становятся вполне управляемыми. За тысячелетия наблюдений над собой народ многому давал имена, но далеко не все они сохранились в разговорном языке. Так, например, все знают слово «мнительность», оно живет. А вот слово «навья» уже мало кому знакомо. Тем хуже обстоит дело с пониманием подобных слов.

Что такое мнительность? Как определяет «Словарь современного русского литературного языка»: болезненная недоверчивость, подозрительность. А что это такое? Это образ?

Мысль? Чувство? Что такое мнительность?

Навьи просто нет в словарях современного русского языка, и даже следов от нее не осталось. Остались следы от Маны: манить – звать, делая какие-либо знаки, давать знать, чтобы кто-либо подошел, приблизился. И даже: влечь, притягивать к себе, прельщать, соблазнять.

Прельщать – это тоже следы от когда-то живого понятия «прелесть». Прелесть и сейчас еще есть в русском языке, но обозначает совсем иное понятие – нечто вроде самого любимого или приятного. А когда-то оно было ближе к навьям или лихорадкам, которые виделись живыми сущностями, проникающими в тело человека и заставляющими его болеть. Только прелесть проникала не в тело, а в сознание...

Существовала целая мифология подобных сущностей, и если проделать достаточный труд, то можно составить bestiарий сущностей, живущих в сумерках сознания. Большая часть из них совсем не полезна. К примеру, навьями мазики называли не живых мертвецов, как это было известно по всей Руси, а все, что приходит в сознание из потустороннего мира. В первую очередь приснившихся, то есть вторгшихся в сон умертвий, а заодно и сны наяву.

В отношении умерших, приходящих в сны, сделать можно только одно: понять, зачем они приходили. Если этого не сделать, такой сон, взбудораживший сознание, будет долго занимать вас, заставляя переживать. И о ясности тогда можно забыть. Основное свойство любых навий – отбирать у жи-

вых жизненную силу. Приснившиеся навьи мало того что захватывают внимание во сне, но они еще и пугают, причем, иногда надолго, вороша все скрытые в глубинах вашего сознания страхи. И ни один психолог не посчитает ни их, ни эти страхи предметом действительного изучения.

Так же не изучались и сны наяву. Это такие состояния, которые происходят с каждым время от времени. Обычно мы замечаем их уже перед выходом, когда нам помешали грезить. Мы как бы замираем и начинаем думать о том, как бы могло быть то, что с нами произошло. Грезы, которые тоже не изучались, обычно уносят нас в иные миры, а навьи попроще, они о чем-то простом и бытовом. Например, о том, как бы ты ответил обидчику или победил там, где проиграл.

Сам язык, говорящий, что «грезы уносят», подсказывает, что народ видел их существами, возможно, крылатыми. Навий же часто называли злыми навьями, поскольку в них мы часто делаем больно своим обидчикам. Но это тоже свойство существа – быть злым.

Как с ними бороться? Очень просто. Когда почувствовал, что тебя захватили какие-то переживания о том, как могло бы быть, просто узнать, что ты спишь наяву, и сказать себе: Это навья! Это сон! и навья, будучи узнанной, тут же исчезнет. Иными словами, лучший способ борьбы с любыми сумеречными тварями сознания – это сбегание с их охотничьих полей в пространство, занятое разумом.

Но если мы хотим понять, что же это за явления созна-

ния, в них придется погрузиться. Иногда это приводит к обретению магических сил. Так люди, пытавшиеся понять свои мнительности, сначала избавлялись от сумасшествий, затем исключали из рассмотрения разум, а когда оставались с мнительностью один на один, вдруг понимали, что это не просто недоверчивость или подозрительность, а именно болезненная подозрительность и даже, скорее, навязчивость в отношении чего-то. Подозрительность и недоверчивость могут быть и вполне разумными. А вот навязчивость к разуму отношения не имеет – зато она обладает силой. И лишь войдя в нее глубже, ты начинаешь чувствовать присутствие маны, которая, возможно, одного корня с «мнить». Но мана не сущность – она волшебная сила, которой человек может овладеть.

Колдуны, желая в рамках любовной магии привязать одного человека к другому, использовали ману. Хищники используют ее, чтобы заманить жертву. Иногда ею овладевают мошенники и фокусники, чтобы управлять вниманием жертв. Вы когда-нибудь встречали исследования маны? Их нет.

Складывается ощущение, что от человечества скрывают все настоящее, без чего нам не обрести свободу.

Ману обязательно надо изучать, если мы хотим углубить внимание. Но она – не единственная тайна нашего сознания. Для нее хотя бы сохранилось имя. Правда, это мало помогает, потому что это имя не связано со своим носителем. Ес-

ли к вам применят ману, но не назовут ее, вы никогда и не поймете, что это было. Все, что вы сможете сказать, что с вами что-то произошло, возможно, распознаете воздействие и смутно запомните какие-то ощущения. В такой миг нужен кто-то, кто скажет: вот это мана! Тогда она может стать предметом изучения. Но для этого нужен слой профессионалов, вроде психологов, кто бы мог просвещать народ в таких предметах. Таких профессионалов вырезали...

Названные мною сущности – не единственное, с чем можно столкнуться в собственном сознании. Многое из подобных вещей даже изучалось наукой, но неясность все равно сохраняется. Я не буду описывать то, что мне известно, все подряд. Мы пойдем от главного, от того, что правит нашей жизнью.

Глава 8. Живущие в сознании

Исходное определение йоги, созданное великим Патанджали: йога – чита вритти ниродха – йога есть остановка колебаний читты. Это знают йоги всего мира. При этом им кажется, что они его понимают, как это казалось и самому Патанджали. Но что есть читта?

В русских переводах это может быть ум, разум или сознание. Сама такая разница в значениях русским йогам, как и академическим ученым, кажется несущественной. Боюсь, она показалась бы несущественной и самому Патанджали, и всем его комментаторам. Никто из них даже не задавался вопросами о том, что такое читта у них самих, а не в их теоретических построениях. А в теории в эту самую читту входят очень разные вещи: мысли, желания, чувства. Что могло объединить их в одно понятие?

То же, что породило и знаменитое высказывание другого великого философа – Рене Декарта: *cogito ergo sum*. У нас принято его переводить как: я мыслю – значит я существую. Это весьма неточный перевод, потому что *cogitare* – означает, скорее, познавать, чем мыслить. Но наших академиков вполне устраивает красивое слово «мыслить», большая точность им не нужна. Как и в случае с академическим переводом «Йога-сутр» Патанджали, академики Рудой и Островская избрали считать читту сознанием, и им этого достаточ-

но.

Но что имел в виду Декарт, если вспомнить его «Рассуждение о методе». Он рассуждает о том, что все основания, из которых мы исходим, сомнительны, их все можно отбросить. При этом основания эти, условно говоря, выявляются, когда мы «заглядываем себе в голову». Все, что ты считал собой, – обман, все, что ты знал о мире, – лишь мнение, и лишь одно ощущение, что ты глядишь в себя, в сущности, лишь сознавание себя, остается неуничтожимым и является свидетельством того, что ты есть.

Иначе говоря, *cogito* Декарта есть утверждение: я знаю, что я существую, потому что я осознаю себя сущим. Отсюда и сделали вывод, что он говорит о сознании, а вырастающая из картезианства школа стала считаться психологией сознания.

Именно это заблуждение подействовало на наших академических переводчиков, которые обнаружили в контекстах йогических сочинений, что в читту входят мысли, чувства и желания, то есть именно то, что обнаружил «в своей голове» Декарт. Раз это то же самое, значит читта есть сознание.

Никто из переводчиков не озаботился тем, чтобы дать определение сознанию, никто не задался вопросом, действительно ли мысли, чувства и желания существуют в нем. Даже Патанджали.

Что же такое сознание? Если следовать за Декартом, то это сознавание. И если сознание есть сознавание, то оно дей-

ствительно способно показывать все те вещи, что к нему относят. Сознание способно воспринимать и чувства, и мысли, и желания. Но относятся ли они к сознанию? Являются ли они одной с ним природы?

Не более чем всадник на белом коне, всадник на красном коне и всадник на черном коне являются частью окна, через которое ты их видишь. Если читта – сознание, то через нее действительно можно видеть, как бушуют в тебе мысли, желания и чувства. Но являются ли они частью читты, принадлежат ли они ей. А если не принадлежат, то как можно на них воздействовать с помощью окна, через которое рассматриваешь?!

Очевидность читты стала ловушкой для индийской мысли не менее двух с половиной тысяч лет назад. Европа доросла до нее лишь к 17-му веку, но попалась также бесповоротно. А между тем понятие о сознании как осознании постоянно порождало противоречия. Причем, предельно очевидные противоречия, которые прямо лезли в глаза философам и психологам. Однако их не видели ни индусы, ни европейцы.

Тем не менее, приглядимся. Один из предметов сознания – мысли. «Заглядывая в голову», ты всегда находишь их в наличии и направленными, потому что они скачут, как бешеные скакуны. И сама суть йоги заключается в том, чтобы остановить этот поток. Вот и психология сознания не могла не обнаружить мысли. А обнаружив, даже начала определенных действия с ними. К примеру, попыталась исследовать,

что и как эти мысли связывает. И нашла ассоциативные связи и целые ассоциативные цепи. Она рассматривала и это и многое другое, кроме самих мыслей в сознании.

Судите сами, сознание не может ничего содержать в себе. Значит, мыслей в сознании быть не может, они могут быть где угодно, но только не в сознании. Поэтому родились теории сознания и внимания, которые утверждали, что мысли есть только до той поры, пока ты их осознаешь или обращаешь внимание на них. А потом они исчезают. И возникают снова, когда ты их осознал. Или обратил внимание.

Но как можно обратить внимание на то, чего нет? Это просто глупость, однако она до сих пор правит умами психологов, и от нее не хотят отказываться, потому что это основание всей современной научной психологии, а значит, карта, которую нельзя выдергивать из-под этого карточного домика. И суть ее в том, что сознание может быть только сознанием.

Однако сознание есть тонкоматериальная среда, вполне вещественная в некоем тонком смысле. И в виду своей вещественности способная создавать из себя образы, которые и становятся мыслями, то есть тем, что мы думаем. Или чем мы думаем. Сознание же есть всего лишь свойство сознания, точнее, той исходной среды, которая становится сознанием, как только нечто было создано, то есть превращено в знание. Сознывая, ты начинаешь знать о чем-то. Но это снаружи, внутри же это вполне определенное действие, превра-

щающее часть исходной среды в образ, потому что мы не можем знать иначе, как в образах.

Стоит принять это, как становится ясным, что есть и сознание, и сознаваемые вещи. Например, мысли. И мысли действительно могут быть содержанием сознания. А значит, ты можешь воздействовать на них, воздействуя на чистту или сознание. Но для этого ты должен научиться видеть образы мысли как существующие.

Но как только это тебе удастся, как ты понимаешь: желания и чувства не есть образы. Они совсем иной природы.

И при этом они есть! и они видны в сознании. Видны, но остаются невидимыми, поскольку никто не смог объяснить их присутствие в сознании.

Глава 9. Главное в сумерках

Сознание огромно и многослойно. В нем есть очевидные и понятные вещи. И есть множество невидимых и неочевидных вещей. И все это – мое хозяйство и моя жизнь, все как-то влияет на мое состояние. Что же в этом хозяйстве понятно?

Безусловно, разум. Это огромный и относительно управляемый образ, управляющий множеством других образов, которые использует для решения моих жизненных задач. Использует он память, знания и умения, и Образ мира. Точнее, на основе Образа мира он работает постоянно, а все остальное использует по мере надобности. Хотя работу разума можно изучать долго, все же с ним все понятно и очевидно. И когда возникают вопросы, смущающие вас, достаточно распознать: это разум, это относится к нему, – и ясность будет восстановлена.

Находя различные решения для повторяющихся задач, разум закрепляет их в виде образцов и так создает Мышление. Мышление – это ловушка, поскольку оно всегда чуточку неточно, и этим портит нашу жизнь. Поэтому им лучше не пользоваться, накопленный в нем опыт перевести в память, а задачи решать разумно. Это сделает вас живей и дееспособней. Но в любом случае, чтобы успокоиться, достаточно узнать, что то, с чем ты столкнулся, относится к мышлению, и вспомнить, как от него освободиться.

Одно это подымет ясность. А если вы еще и уберете обнаруженную странность, ясность увеличится навсегда.

Как ни странно, но то же самое можно сказать про сумасшествия. При всей их сложности и запутанности, если ты овладел кресением, ты всегда знаешь, как от них избавиться. Главное – распознать, что происходящее – это именно сошествие со своего ума. Иными словами, распознать, что в какой-то миг в тебе начинает действовать чужой ум, попросту, нечто инородное, чему ты не хозяин, и что ты сам не создавал.

Конечно, я не имею в виду все психиатрические заболевания, особенно связанные с органическими повреждениями мозга. То, что подразумевал народ под именем «сумасшествие», было именно подменой своего ума чужим. Самое сложное в этой работе – научиться чувствовать, что ты словно бы и не ты уже, что произошла некая подмена, и ты ощущаешь себя не так, как обычно.

Освобождение от сумасшествий дает огромный прирост ясности и, кстати, силы. Но он исчерпаем, сумасшествий всегда определенное и ограниченное количество, в отличие от прочего содержания сознания.

Тем не менее, разум, мышление со скрывающейся за ним личностью, и сумасшествия составляют основное содержание сознания. И что важно: все они существуют в виде образов и управляют нами именно потому, что они образы.

Однако при взгляде в себя мы можем обнаружить и то, что

в образах не воплощено. Я сейчас не перечисляю всего, что вы можете обнаружить в сознании, я говорю лишь о главном и очевидном, то есть о том, что правит нашей жизнью, и что мы не можем не замечать. К таким вещам, безусловно, относятся желания и чувства.

Отсутствие культуры самосознания играет с начинающим психологом злую шутку: он принимает за желание или за чувство те предметы, на которые они направлены. В силу этого даже само созерцание желаний и чувств оказывается непростым. Так, к примеру, говоря о желаниях, и йоги, и христианство могут говорить о богатстве, власти, плотских утехах, к которым привязан человек. Но при этом они их обнаруживают в той самой «голове», куда заглядывают. Обнаруживают, наряду и наравне с мыслями. Значит, они рассматривают их как образы, в которые воплощены предметы желаний.

Образы, однако, возникают, лишь как поиск решения, они подбираются разумом из числа наличных, чтобы удовлетворить желание. Иными словами, если вы видите желание как нечто, чего хотите, вы видите уже не желание, а его отображение разумом. В этом случае, если назвать разум читтой, то можно долго бороться с его колебаниями, и борьба эта будет героической и безнадежной. Победив образы, к желанию не подобраться.

Желание существует вне разума и даже вне сознания. Оно оказывается в сознании лишь в силу необходимости действо-

вать, если ты хочешь его удовлетворить. Иными словами, желание даже не само попадает в сознание. Это делаешь ты, когда принимаешь решение исполнить его.

Приняв решение удовлетворить желание, мы вызываем своего слугу, главного исполнителя желаний – ум, и велим действовать. Ум может существовать и без образов, но для земных условий, где возможна память, он создает особое орудие, в сущности, выращивает дополнительный орган – разымающий ум, разум. Это тот же ум, но там, где поток мира можно разделить с помощью восприятия на части, именуемые образами, обрезать и поделить на удобные в использовании куски.

В мирах, где образы не нужны, ум просто потек бы к желаемому, обходя препятствия. На земле он эти препятствия учитывает и обтекает сначала издали, в образах. Именно это называется думать. Думать безопасней, чем действовать, и это особенно важно там, где можно погибнуть или, по крайней мере, потерять тело. И разум думает, создав образ желанного и образы действий, по его достижению.

Именно их и обнаруживает наблюдатель, когда заглядывает в свое сознание. Но видит ли он при этом само желание? Думаю, как-то видит. Но не в сознании, а гораздо глубже. Ведь этот ум, который достигает желаемого, мой. Но я предпочитаю не восстанавливать способность видеть умом, а жду ответы в разуме и содержащем его сознании.

В общем, ищу потерянный ключ не там, где потерял, а там,

где светлей...

Чтобы направить внимание на желания, его надо углубить до ума. И то же самое с чувствами. Как это сделать, непонятно. Но стоит задержать внимание на этой задаче подольше.

Заключение

Без улучшения работы внимания не улучшить и разум, а значит, не обрести успешности в думании. Но углубление внимания стоит разбить на два вида работ.

Во-первых, это очищение и перестройка самого разума. Внимание подчиняется разуму и жестко к нему привязано. Чем путаней разум, тем больше в нем ловушек для внимания, не дающих ему не то что углубиться, а просто стать управляемым.

Во-вторых, для углубления внимания требуется некое точное и продуманное усилие, позволяющее связать внимание с глубинной частью разума и прямо с умом. Такое усилие йога называла дхьяной, а в русском языке оно известно как сосредоточение.

Сосредоточением на бытовом уровне владеют все, но чтобы превратить его в искусство, надо многое знать и немало потрудиться, меняя не только свои привычки, но, в какой-то мере, и самую природу человека.

Часть третья

Обучение

Наука думать не мое изобретение и вообще не изобретение какой-то личности. Она основное содержание жизни существа по имени человек разумный и буквально вписана в устройство нашего разума и жизни. Можно сказать, что сама жизнь учит нас думать, а нам лишь остается наблюдать и описывать то, как это происходит.

Правда, уже на следующем шаге исследования однозначность пропадает, распадаясь на взгляд снизу и взгляд сверху. Если смотреть снизу, от зарождения раздражимости у простейших, то мы обнаружим естественное и непроизвольное усложнение работы разума. Можно сказать, что жизнь, ставя перед нами задачи выживания, заставляет наш разум развиваться. Теория прогресса весьма соблазнительна. И я помню, как в детстве задавался вопросом, как много времени потребуется тиграм, чтобы развиваться до человека...

Именно этот детский вопрос является сутью сомнений в теории прогресса и естественного развития разума. Прогресс – это естественное стремление низших форм жизни к усложнению, то есть к высшим формам. Однако все животные останавливаются в своем развитии точно там, где им достаточно для жизни. Они бесспорно обладают разумом, но не

развивают его дальше того, что необходимо. Один человек пошел дальше, но при этом столь же явно развил разум выше того уровня, что можно считать достаточным для жизни.

Поэтому, несмотря на всю убедительность естествознания, всегда остается место для сомнения. И звучит оно как предположение о том, что разум вовсе не обязателен для жизни. По крайней мере, человеческий разум. Без него планета жила бы лучше, поддерживая естественное экологическое равновесие, а с ним будут уничтожены и она, и само развитие разума.

Разум человека в планетарных условиях рассчитан на самоуничтожение. Это не может быть заложено в естественный ход событий. Это неестественно, противоестественно и сверхъестественно. А потому рождается вопрос: не является ли разум неким экспериментом, для которого созданы условия, вынуждающие его развиваться?

Поскольку условия земной природы слишком просты для разума, он осваивает их и перестает развиваться на уровне животных. Чтобы родился человек, просто борьбы за выживание было явно недостаточно. И тогда были созданы искусственные пространства сознания, в которых развиваются иные миры – миры-общества. Вот там и раскрывается тот разум, что мы знаем как человеческий.

Соответственно, именно общественные миры и становятся главной школой обучения разума. Поэтому если мы хотим знать Науку думать, нам надо понять, как решаются задачи

мира-природы, а затем развернуть это на мир-общество. Все тайны уже записаны там и выложены в виде условий, которые определяют нашу жизнь. Хочешь научиться думать – наблюдай, осознавай и переводи в уроки.

Главное – учись читать Книгу мира: Наука думать записана на стенах мира людей.

Глава 1. Книга мира

Книга мира людей не лежит где-то в божественной библиотеке. Она живет в сознании человечества как знания об устройстве нашего мира. Чтобы ее познать, надо вглядываться одновременно во внешний мир и в себя. Книга мира людей довольно равнодушна к природе, зато перегружена общественными отношениями. Как выжить среди себе подобных – главное в ней.

Я подаю это несколько мистически, но на самом деле о книге знают все и прилежно ее штудируют чуть не с самого рождения. Человечество чрезвычайно озабочено само собой. И немало себя опасается. Поэтому от овладения магическим искусством чтения Книги мира зависит многое. Как научиться ее читать?

Прежде всего, надо принять, что в ней отражен наш разум. Значит, он и есть ключ. Поймем, как устроен разум, – поймем, как складывалась наша история и как устроено общество. Что для нас главное в разуме?

Разум все, с чем сталкивается, рассматривает в виде задач. Поэтому если нам требуется что-то освоить или даже понять, мы непроизвольно переводим его на язык задачности. Вот и Наука думать, чтобы быть понятой, должна быть переведена в задачу или задачи. Разум – довольно ограниченное орудие: он не может просто понимать – он лишь мо-

жет понять, что делать или как использовать.

Понимание не прямой предмет этого исследования. Поэтому ограничусь кратким утверждением: понимание происходит за пределами разума. Но разум может создать условия для того, чтобы оно состоялось. И постоянно это делает. Но делает он это именно в рамках решения определенных задач и как часть задачи. Поэтому мы вынуждены поставить себе задачу, чтобы разум заработал и создал или освоил Науку думать.

Еще раз повторю: понятие «создал» весьма условно в отношении Науки думать. Говоря поэтично, она вся записана на стенах нашего мира. Мир людей устроен так, чтобы заставить нас думать. И это только первая задача, которая вложена в условия нашего существования. Когда начинаешь вглядываться в эти кусты, внезапно проступает и второй почтальон: надо не только научиться думать, но и постоянно улучшать эту способность, то есть сам разум.

Единожды увиденные, загадки в кустах становятся очевидностями, которые невозможно не видеть. После этого медленно доходит потрясающий смысл увиденного: мы заложники какой-то неведомой и неведомо огромной битвы за развитие разума. Мы словно инкубатор, где выращивают души, способные думать.

Непонятно только, почему это делается в воплощенном состоянии. Могу сделать лишь предположение: плоть отягощает, думать в этом состоянии трудно: люди, воплощенные

в тела, склонны ко всем телесным порокам, начиная с того что видят телесные потребности смыслом жизни и забывают о собственных душах. Но еще важнее то, что в плоти мы засыпаем и нам очень трудно найти внутренний источник желаний пробудиться.

Все это давно замечено и описано человечеством. Мировые религии бьются с телесностью как с величайшим предательством, так что, складывается впечатление, в самом начале кто-то знал, что человек создан для того, чтобы вырваться из состояния животного, преодолеть его, пробудиться и... обрести не только способность думать, но и бессмертие.

Я намеренно пишу: приобрести не разум, а способность думать, поскольку предполагаю, что она шире разума, она принадлежит разуму лишь частично, а частично принадлежит уму, за счет которого мы и становимся бессмертными. Разум – это та часть способности думать, что связана с телами: ум – с душами. Души – это тоже тела, но иные, бессмертные. И если нам удастся перенести осознание себя еще при жизни из телесной части в душевную, мы не осознаем себя умирающими, когда тела отходят, – мы продолжаем жить из тела в тело...

Поэтому важнейшая задача Науки думать – это не научиться думать лучше, а разделить и произвести отбор того, что отомрет вместе с плотью, а что удастся унести с собой как самого себя. Как ни странно, но христианство было занято именно этим.

Произвести отбор в начале пути – мудро. Это позволит не тратить время и труд напрасно и высвободит силы для главного. В этом суть освобождения. И это наипервейшая задача, встающая перед изучающим Науку думать.

Однако освобождение от лишнего не отменяет необходимости знать устройство того орудия, которым мы собрались пользоваться. Поэтому его стоит изучить и обучить думать лучше. Это можно назвать второй задачей.

Могу сразу забежать вперед и сказать: работа эта, если она будет проделана, приведет к встрече с природой нашего ума, и ее придется обуздать, как вначале мы обуздываем плоть. И опять же опыт человечества нам в этом поможет, поскольку наука обуздания, наука набрасывания ига на своих внутренних коней существует тысячелетия. Эта, условно говоря, йога, становится следующей задачей.

Но всем этим задачам предшествует необходимость изменения собственного мировоззрения. Если не начать видеть мир с точки зрения Науки думать, усилия ваши будут чрезмерны, а плоды несопоставимо мелки. Нельзя менять что-то в ином мире, прилагая усилия из этого. Да и смысла создавать себе новый разум в ином мире, оставаясь прежним в этом, нет никакого.

Поэтому начальная задача Науки думать – стать цельным, обретя мировоззрение того, кто избрал стать Разумным. Я пишу Разумным с большой буквы, чтобы отделить человеческую Разумность, Разумность, доступную человеку, от ра-

зумности животных. Поэтому можно сказать проще: обретая мировоззрение того, кто избрал стать человеком. В силу этого исходная задача Науки думать – сделать нас людьми, что значит – внести осознание своего отличия от животных.

Глава 2. Исходная задача

Я – человек. Я не зверь, я не животное и не овощ. Но во мне есть и растительная, и животная основа. Мое тело приносит ее, и я всегда могу сдаться и принять его требования как свои. Тогда я буду жить в мировоззрении скота или растения. А могу бороться с этими позывами, сохраняя мировоззрение человека. Это всего лишь выбор. И это война мировоззрений, постоянно идущая на полях моей души.

Водораздел – это мысли о смерти. Растение умирает без сожаления, потому что его бессмертие перенесено в видовое выживание. Если выживает вид, растение не чувствует боли от собственной смерти, хотя это и не совсем так. Все растения сопротивляются убийству, выделяя химические вещества, которые должны отпугнуть убийцу. Так что, вероятно, страх смерти есть и у них. Но сила сна так велика в этом состоянии, что сопротивляться смерти почти нет сил.

Животные очень не хотят умирать и изо всех сил цепляются за жизнь. Но мысль о бессмертии, похоже, не посещает их. Только ужас перед смертью. К счастью, они не обладают долгой памятью, и если удастся спастись, быстро переходят в обычное состояние. Смерть как бы постоянная составляющая их разума, о которой приходится думать всегда. Поэтому разум животного всегда прикован к миру, из которого смерть может наброситься на него. И это сильно защищает

от мыслей о вечном.

Человек способен обеспечить безопасность своей жизни настолько, чтобы иметь время задуматься. Но чтобы задуматься, нужно победить в себе желание полежать и пожевать, нужно не дать сну овладеть собой.

Наука думать для тех, кому мысли долго не дают уснуть, а звезды – закрыть глаза.

Мировоззрения всегда строятся из какой-то точки, с какого-то места или вершины. Мировоззрение – это всего лишь разглядывание мира оттуда, где ты хочешь оказаться. Ты избираешь добраться до места в Власти – и ты начинаешь смотреть на мир так, как полагается людям Власти. Ты хочешь стать богатым – и ты стараешься стать своим среди банкиров и промышленников.

Ты хочешь научиться думать – и тебе придется смотреть оттуда, где происходит думание и ничего, кроме думания.

Тут возможны вопросы, например: а разве для того, чтобы пройти во власть или к деньгам, не нужно уметь думать? Конечно. И это очевидно. Как очевиден и ответ: думать надо уметь для всего, даже для того, чтобы просто прожить еще один день. Но чтобы стать человеком власти нужно думать КАК человек власти, а чтобы стать одним из банкиров, надо думать КАК банкир. Это выбор: научиться думать или стать членом одного из сообществ. Человеку, умеющему думать, не так уж сложно стать богатым или обрести власть, если он этого захочет. Но эту задачу можно решать творче-

ски. А можно и не творчески, по образцам. И тогда нужно становиться одним из своих, причем узнаваемо своих, и они проведут тебя к твоей цели.

Захочешь ли ты идти к тем целям, если научишься думать?

Выборы, выборы, выборы...

Вначале в качестве исходной задачи надо определиться с тем, что ты действительно хочешь, потому что какую жизнь выберешь, такой и будешь жить. И тут мысль о смерти и о том рубеже, за который не унести ничего лишнего, может помочь.

Кому-то она поможет выявить в себе главное движение: не хочу даже думать о всякой ерунде вроде загробной жизни! Это значит, что человек еще очень молод и его время еще не пришло.

Кто-то поймет, что последнее время думает только о смерти. И это может означать, что он уже опоздал, и старость нагнала его неожиданно. Блажен, кто смолodu был молод, а о том рубеже задумался, пока еще были силы хоть что-то изменить. Впрочем, начать действовать никогда не поздно, просто со старостью это становится все трудней.

Менять мировоззрение надо тогда, когда колокольчики только начали звякать своими предупреждениями, но жизненный опыт уже достаточный. Вот тогда вы в силах оценить, как много тратили на достижение своих целей, поскольку не знали, как это делается, и насколько легче вам далось бы это,

умей вы думать в то время.

Владеть наукой думать – это владеть универсальным ключом ко всем задачам, которые встретятся в нашем мире, потому что он весь – воплощение нашего разума. Конечно, из чужих миров могут прийти чужие задачи. Но прежде чем волноваться о них, неплохо бы научиться решать свои и вообще думать.

Мировоззрение науки думать надо принять как допущение своего бессмертия. Тысячелетиями человечество искало его, а молодая естественная наука объявила бредом. И мы приняли ее мнение как мировоззрение Нового времени. В итоге мы потребляем, мы тела, а думают за нас другие.

Попробуйте подарить себе жизнь после смерти физического тела, допустите ее. Я могу себе позволить говорить об этом, поскольку я выходил из тела вполне осознанным усилием. Я свидетель. И таких много, но вы почему-то не хотите их слушать. Наверное, чтобы не потерять покой и сон.

Потеряйте их. Потеряете немного, но можете получить жизнь.

Допустите, что за разрушением брэнной плоти никакого Ничего не наступит. Вы просто обнаружите себя вне тела. Вероятней всего, вам не дадут бессмысленно болтаться в этом мире, в ужасе глядя, как разлагается то, что вы знали собой. Вас сразу выдернут из этого шока. Но может случиться, что вы задержитесь. Я бы задержался.

Проделайте такое упражнение. Проделайте его в вообра-

жении, чтобы быть готовым заранее. Увидьте, как ОНО свершилось при самых неожиданных обстоятельствах, и вот ты висишь в воздухе над собственным телом, не в силах оторвать взгляда. Вокруг него начинают суетиться люди, страдают, зовут, пытаются вернуть к жизни. А тебе смешно... и ужасно.

Не потому, что умерло это тело, а потому что дальше надо что-то делать, куда-то идти, как-то быть...

Ты готов? Ты все понимаешь? Ты взял все, что необходимо? Ты вообще знаешь себя?

Глава 3. Что взять с собой

Науку думать можно осваивать в общем, а можно узко, в рамках той задачи, которую перед собой ставишь. По крайней мере, всегда можно улучшить работу своего разума в тех рамках, которыми ограничил свою жизнь. В сущности, освоение любой профессии есть обучение разума думать определенным образом. Достижение мастерства в своем деле – безусловное оттачивание разума. Однако как много художников, которые совершенно беспомощны во всем, кроме своего искусства.

Узкая специализация в развитии разума позволяет человеку занять весьма достойное место в обществе, но он не только становится односторонним и как бы недоразвитым во всем остальном, он еще и испытывает тяжелые потрясения, когда сталкивается с остальной жизнью. И вопрос не в том, что он ее не знает, а в том, что он не умеет думать иначе, чем научился. Поэтому, кажется мне, учиться науке думать лучше в общем, даже если собираешься посвятить себя лишь чему-то одному.

Но если вы избираете освоить науку думать как таковую, вам предстоит постоять на ЧЕРТЕ и подумать, пересматривая свою жизнь и отбирая, что из накопленного багажа взять с собой.

Это не такое уж простое упражнение. С одной стороны

весь выбор уже совершен за нас: мы просто не в силах пронести за черту смерти то, что за нее пронести невозможно. Или даже не можем не взять с собой то, что накопили. Все произойдет само собой, как бы мы ни сопротивлялись. С другой стороны, наша культура умирания так низка, что мы совершенно не понимаем, что может быть пронесено, что не может. В сущности, все упражнение сводится к тому, чтобы осознать, что из имеющегося предназначено для дальнейшего путешествия, но как прийти к этому осознанию?

Вот и приходится думать, перебирая то, что ценил и за что сражался всю жизнь. И задаваясь вопросами: чему это принадлежит и ради чего ты им занимался. То, что идет с нами за ЧЕРТУ, редко прямо воплощено в нашей земной жизни. Чаще всего оно скрыто и спрятано за явленными вещами. И почти всегда мы живем как бы в зеркальном, вывернутом на изнанку мире. Так, например, мы совершаем множественные усилия, чтобы поддерживать свою внешность: красимся, одеваемся, ходим на фитнес, качаемся, занимаемся йогой. Причинно-следственные связи выстраиваются в этом случае простым и понятным образом: усилия нужны, чтобы поддерживать красивую внешность, а внешность должна быть красивой, чтобы меня ценили определенные люди в моем обществе. Все просто и понятно, так что даже самый простой из «простых парней» не запутается.

Но вот ты дожил до старости, одряхлел, обрюзг, стоишь на ЧЕРТЕ и не понимаешь, зачем стоило тратить столько

сил ради того, что все равно ушло. И делаешь допущение: это позволило получать определенные удовольствия, значит, мы живем ради того, чтобы сбежать от страданий и получать удовольствия... Так может родиться и религия!

Однако не нужно домысливать ничего лишнего – взгляды в действительность. Общество заставляло вас сражаться за отношение людей и место внутри себя? Безусловно. Значит, такова его задача и таково устройство. Чтобы завоевать это место и отношение, вы работали над своей внешностью? Да, это было необходимо. Другие ради той же самой награды работали над умом, силой, особыми способностями либо мастерством. Но все эти входные билеты в общество требовали усилий. И это тоже факт. Мир людей так устроен, что состоит из множества ценностей, созданных обществом. И мы сражаемся за эти ценности, временами меняя их. Но всегда совершаем усилия.

Усилие дается всем нам по-разному. Кому-то легче, а кто-то совершенно не может удержать его долго, и в итоге общество превращает его в неудачника. Древние знали об этом больше, поэтому их миром правила магия, сутью которой была охота за силой. Именно она перешла из первобытного общества в историческое в виде йоги – искусства неустанного усилия. А сейчас только внешний мир поддерживает в нас нацеленность на усилие. Культура утеряна.

Это лишь один пример, так сказать, частный случай того, что значит поиск настоящего за явленным. Нам не пронести

внешность и даже силу за ту ЧЕРТУ, на которой мы стоим в этом упражнении. Они уйдут, растворятся, как будто их и не было. Но способность совершать усилие сохранится, потому что она не принадлежит телу. Она не принадлежит и личности. Усилие рождается где-то глубже, и там же развивается способность его производить.

Мир – это ловушка и школа: он улучшает наши личности множественными соблазнами, и мы начинаем битву за ценности, которые существуют лишь временно. Но бьемся мы самозабвенно, так что вынуждены вскрывать в себе разнообразные способности, а затем раскрывать их. Мир вовсе не глупо устроен, а общество божественно, несмотря на всю его подлость...

Упражнение НА ЧЕРТЕ необходимо проделать не один раз, пересматривая все, чем был занят по жизни, и переоценивая это с точки зрения той скрытой способности, которую развивал, гоняясь за внешними и явленными целями. Основной точкой отсчета при оценке найденного всегда является ощущение, что какая-то частичка найденного тянулась за черту и исходила из души. И поэтому, совершая множественные действия или поступки, ты не просто накапливал внешние события, но и чуточку менял душу. Вот это изменение и стоит найти, чтобы осознать: это будет взято с собой.

Это будет взято с собой, потому что это теперь ты, каким ты стал за воплощение.

Глава 4. Как выбрать главное

Жизнь так обильна, в ней так много дней, ночей и событий, что мы вполне можем потеряться в их обилии. Поэтому упражнение НА ЧЕРТЕ может показаться неисполнимым. Однако вспомните знаменитое выражение: вся жизнь промелькнула перед моим внутренним взором. Это происходит за одно мгновение, как вы помните, потому что случается в миг крайней опасности, когда жизнь может оборваться. Значит, такое упражнение возможно. Его лишь надо понять.

Первое, что подсказывает наблюдение, – это упражнение естественно: стоит нам оказаться на грани жизни и смерти, как оно рождается само. Правда, не всегда. Некоторые были в настоящей опасности, но ничего подобного не испытывали, как если бы нечто в них не поверило, что смерть действительно пришла и нужно подводить итоги. Но это осознание мы вполне можем внести в свои действия сами. Главное – принять, что все однажды произойдет в самом деле, и тогда то, что казалось огромной жизнью, уместится в краткое мгновение.

Как бы ни была высока скорость ума, все же мгновение пересмотра не может вместить всю жизнь – оно вмещает только главное. Почему же нам кажется, что в это мгновение перед взором проходит вся жизнь? Да потому, что все остальное не имеет значения – жизнью было только главное: все остальное

было средой, в которой главное происходило. Иными словами, множественные действия, события, поступки не были действительной жизнью – они были лишь средой для настоящей жизни. Поэтому они так легко забываются. А остается либо то, что ты совершил, либо то, с чем так и не справился, а значит, оставил задачей для следующей жизни.

Задачи для следующей жизни и решенные в этой жизни задачи и есть главное. Именно их и надо научиться распознавать. Впрочем, решенные задачи уже решены, а задачи будущей жизни не будут решены в этой. Выбрать стоит те задачи, которые еще не решены, но могут быть решены, если приложить усилие. Либо надо идти дальше, за задачи, к их плодам. Ведь задачи решались нами не ради самих себя, а ради того сокровенного, что пряталось за явленным.

Поэтому, глядя на решенные задачи, надо увидеть их как свои победы и понять, чем же ты действительно гордишься и чем ты действительно недоволен в себе. Это и есть познание плодов своих земных усилий. Оно должно быть проделано как первая часть упражнения НА ЧЕРТЕ.

Вторая часть упражнения связана не с теми задачами, которые завершены, а с теми, которые остаются в работе. Конечно, их надо решить. Однако, это ответ лишь в самом общем виде. В действительности, поняв, чем занят по жизни и какие задачи решаешь, надо задаться вопросом: все ли задачи, которые сейчас переполняют твою жизнь, действительно нужно решать?

И сразу могу сказать: если вы внимательно взгляните в то, чем заняты, а это и есть ваши жизненные задачи, то обнаружите, что огромную часть решаемых вами задач либо вообще не нужно решать, либо можно решить проще и легче. Чаще всего это связано с отсутствием культуры самоосознания: мы просто не видим, что решаем много чужих или ненужных задач, от которых надо просто освободиться.

Искусство освобождения называлось целеустроением. Я многократно о нем рассказывал. Повторю вкратце: вся жизнь человека выстроена как последовательность лестниц, ведущих к определенным целям. И каждая ступень в такой лестнице есть задача. Но все эти лестницы, пока они разумны, увязаны между собой и ведут к одной главной цели, которую мы чаще всего даже рассмотреть не можем за всем этим обилием. Но она есть и правит нашей жизнью.

Если мы хотим научиться думать лучше, сначала надо очистить и отладить орудие думания, то есть разум. Делается это как раз при помощи целеустроения.

Что такое целеустроение и как оно работает, я описывал раньше и не считаю нужным заново рассказывать в этой книге. Но основные подсказки вы найдете в Приложении, где собраны некоторые материалы по этой теме.

Если вы проделаете целеустроение и освободите свой разум от чужого и лишнего, то, что останется, будет насущным. Иначе говоря, это то, чем вы действительно живете. Теперь в нем можно выбрать главное, а главное подскажет, че-

му именно надо учиться. Но и сама работа по выбору главного – важнейшее искусство в рамках науки думать.

Суть его в том, чтобы понять, что ради чего. На первый взгляд все наши дела одинаково важны. Но это только пока они представлены внутреннему взору кучей. Упорядочите их – и станет ясно, что большая их часть нужна лишь затем, чтобы сделать остальное. Иными словами, большая часть наших дел и задач – лишь пути к главному. А пути могут быть разными. Вовсе не обязательно идти трудно и долго только потому, что ты так однажды придумал. Возможно, ты ошибался или просто не знал более легких путей в то время.

Поэтому пересмотр дел начинается с сомнения в самом себе. Сомнение это вполне приемлемого рода: однажды я решил достичь вот этого и наметил такой путь. Сейчас этот путь заставляет меня сделать такие-то и такие-то дела. Неужели это нельзя сделать проще?

Вы задаете себе этот вопрос и начинаете придумывать все возможные иные пути. А когда исчерпываетесь, начинаете думать совместно с другими людьми, задавая вопросы. То есть спрашивая их о том же самом: как можно проще всего достичь то, что я хочу? И собираете все возможные решения. А затем сравниваете их со своим. И оцениваете все, пока не найдете самое подходящее. Иногда это приводит к тому, что вы вдруг осознаете, что вся задача неверна – вам не нужно достигать то, что вы достигаете. Вам просто нужно другое.

Как вы догадываетесь, это колоссально упрощает нашу

жизнь и приближает к главному большим скачком.

Если вы вдумаетесь, смысл жизни не в том, чтобы много трудиться, – смысл в том, чтобы сделать главное и победить в главном. Так не тяните, занимайтесь главным, идите прямо к нему.

Глава 5. Обучение начинается с сомнения

Усомниться в себе, усомниться в том, что ты решаешь свои задачи самым легким и красивым способом – непростое упражнение. Прямо сейчас вы можете сделать такое усилие и усомниться в чем-нибудь. Но если только вы не подошли к этим строкам прямо во время само собой разгоревшегося сомнения, вам будет весьма непросто найти нечто такое, в чем стоит усомниться.

Просто допустите, что сейчас вы найдете в себе что-то, в чем усомнитесь. И вы испытаете, скорее всего, особое состояние – вам будет, так сказать, «лениво» искать сомнения. Ваш разум будет даже делать попытки найти что-нибудь из числа дел, которыми вы живете, где бы вы были недовольны собой. И вы вдруг обнаружите, что ваше сознание объемно и в нем есть место, из которого вы смотрите, затем пустота, а за нею – как бы стена из дел, которыми вы живете.

Если вы сделаете усилие, то заставите себя смотреть на то, что причиняет вам боль. Но это опять же будут не сомнения. Это может быть обида или ненависть, куча оправданий или поиск виноватого... В общем, что угодно, но только не сомнения в себе. Еще раз повторю: если, конечно вы не застали себя во время разгоревшихся сомнений. Но это гость редкий, застать его удастся нечасто.

Однако если продолжить копать там, где вам больно или неприятно, то за слоем самооправданий и обвинений других можно найти нечто вроде признания, что вы тоже в чем-то не правы. Если вас будет кто-то пытаться, требуя справедливости или признания, то из вас вырвется нечто вроде: ну, конечно, я тоже в чем-то не прав.

Это вырвется в ответ на приставания, причем с огромным НО в конце. И вырвется как возмущение: я же не дурак, чтобы не понимать, что еще не совершенен! Вроде как вас и тут попытались обидеть, усомнившись в вашем уме. Естественно, такое возмущение как-то так предполагает, что если бы на вас не давили, так вы бы и сами назвали свои ошибки или недостатки. Непонятно только, почему не назвали...

Впрочем, если удалось додаться до такого состояния, в котором вы признаете какие-то недостатки, так и начните о них говорить. Просто возьмите и перечислите. Боюсь, это будет жалкая попытка вроде самокритики с партийной трибуны: не подумал, не позаботился, был неглубок, надо тщательнее готовить, нельзя пускать на самотек...

Вот такой культурой самоосознавания снабдило нас общество, выпуская во взрослую жизнь. В основном в явленную часть выводятся только общие слова, помогающие отвести глаза другим и себе. Причем их главная задача – пристыдить, а не научить думать.

Думать мы учимся где-то в другом месте, тайком и после того, как вытерпели весь этот позор самобичевания. И про-

исходит это так, будто мы и не присутствуем при извлечении уроков и изменении своих решений. Ты вдруг ловишь себя на том, что уже принял решение переделать то, за что был руган. А разум бодро строит новое решение той же задачи. Лишь считанное количество раз за целую жизнь нам случается прийти к этому решению путем явного рассуждения.

Иногда нас подводят к нему другие люди, если нам повезло иметь вдумчивого собеседника. И совсем редко нам удастся просто рассуждать с самими собой так, чтобы признать, что действовали неверно и надо в этом случае измениться. То есть изменить себя.

Тем не менее такие случаи в вашей жизни были. В общем и целом вы умеете находить недостатки работы разума простым и спокойным рассуждением, наблюдая за собой и созерцая те образы, которые создал разум. Кроме того, во всех тех случаях, когда вы получали от жизни уроки, возмущались, злились, обижались или восхищались другими, а иногда и собой, разум точно так же осуществлял пересмотр и менял образы. У вас огромный опыт работы над искусством думания. Признайте это.

А как только вы это признаете, вы перейдете в особое состояние созерцания, внутри которого вам не надо оправдываться или отводить глаза. Там просто нет никого, кроме вас, поэтому можно не волноваться и не озираться по сторонам. Это ваше место, и здесь вы работаете только для себя. И над собой.

Примите, что у вас есть и такое свое место, и опыт пребывания в нем, и умения – вы знаете как и что делать, чтобы изменить имеющееся решение и создать лучшее. Очевидно, что это место работы над образами, потому что ничего другого, кроме образов, в разуме нет. Нет в нем ни чувств, ни желаний, ни даже оценок. Только образы и сложные образы – понятия. Все остальное приходит в разум извне – из тела, из души, из личности – и оказывает на него воздействие. Но оно не часть разума.

Разум спокоен и прост – это орудие создания и использования образов, необходимых для того, чтобы воплотить ваши желания, потребности и порывы. И он доступен для любых улучшений. Все, что для этого надо, – четко осознавать, что хочешь и почему не удастся это получить или достичь. Для этого надо уметь вести наблюдения над внешним миром и исследовать те задачи, в которых потерпел неудачу. Иными словами, вести поиск причин и собирать все более точные описания условий своих задач.

Естественно, это должно приводить к созданию новых образов действия, которые и являются решениями жизненных задач.

Всему этому можно учиться, то есть обучать разум. По крайней мере, для начала этого будет достаточно – просто научиться видеть несовершенство своих решений. Принимать сомнения в их великолепии и спокойно переделывать, исходя из цели и углубленного изучения условий.

Но начинается все именно с сомнения. Причем не только в тех решениях, которые принесли вам боль, но и в тех, где вы собой, в общем-то, довольны. Если сомнение удалось нащупать, вцепитесь в него и не отпускайте: немного усилий – и вы станете совершенней.

Глава 6. Обучаем ли разум?

Раз уж мы все равно вышли на задачу обучения разума, есть смысл задаться вопросом о том, что такое обучаемость разума. Что и как может в нем учиться?

Безусловно на этот вопрос не ответить, а значит, и обучение разума не сделать научным, если не разобраться с природой разума. В сущности, это один из основных вопросов философии с самой древности. И древнегреческая философия, и йога Упанишад были заняты именно той природой, из которой рождается разум.

Философия Средневековья и Нового времени посвящена тому же предмету. И надо признаться честно, в исполнении Канта или Гуссерля тема эта становится почти мистической.

Однако что это за природа, если подойти к ней психологически? Хотя бы через самонаблюдение? Даже при поверхностном владении этим искусством очевидно: разум работает с образами. Он как-то создает их, а затем использует, чтобы решать свои задачи. Образы бывают разных видов, но наиболее используемыми являются два вида образов: образы вещей и образы действий. И вещи, и действия понимаются в данном случае в самом широком смысле: это может быть и образ цели, и образ человека, и образ отношения к нему, в котором записано даже, какие чувства можно показывать.

При этом даже поверхностное самонаблюдение показыва-

ет, что разум работает ради каких-то целей, всегда создавая образ цели и образ достижения цели. Именно образы достижения целей мы и воспринимаем как жизненные задачи. Поскольку мы не мыслим себя иначе, как пространственно, то есть в мире. Мы произвольно переносим этот пространственный подход на все, что делает разум. Решая задачу, мы как бы движемся сквозь некое пространство, поэтому используемый для решения задач Метод обозначал в греческом и Способ решения, и Путь.

Путь нельзя проделать, не учитывая мир, сквозь который движешься. Поэтому для каждой задачи мы создаем еще и образы условий, а для всей работы разума собираем все знания об этом мире, то есть об условиях нашего существования, в Образ мира. Образ мира предельно точно отражает нашу действительность и позволяет сверять все решения со знаниями о том, что может сломать любую задачу. Но Образ мира – это образ. И все, что в нем хранится, – это образы, потому что это знания, а знания существуют только в виде образов.

Соответственно, разум умеет использовать любые знания, которые хранятся в Образе мира, и умеет их добывать из восприятия и наблюдения. Он ЗНАЕТ, как это делать. Иначе говоря, в разуме есть образы, предписывающие, как добывать образы из Образа мира и как превращать в образы то, что приносит восприятие. Также разум ЗНАЕТ, как из этих образов собирать образы действий или вещей. И это тоже об-

разы. И так, перебирая одно проявление разума за другим, мы описываем его во всей полноте, доступной наблюдению, и не обнаруживаем ничего, кроме образов.

Поверхностное наблюдение показывает нам со всей возможной очевидностью, что разум – это огромный образ, управляющий другими образами. Но так же оно способно показать, что действует разум не просто ради целей, а потому что на него оказывается некое условно внешнее давление или воздействие.

За целями скрываются потребности и желания – это тоже очевидно. Как очевидно и то, что сам этот образ, то есть разум, не возникает готовым из ничего. Он рождается из чего-то и медленно растет на протяжении нашей жизни, развиваясь и усложняясь.

Однако чтобы пройти глубже, требуется уже не поверхностное наблюдение – далее нужна определенная искусственность. Поэтому сделаю некоторые выводы. Во-первых, природа разума образная. Во-вторых, в основании разума лежит нечто совсем иной природы, что заставляет родиться первые, исходные образы и дополняет их следующими. Эта вторая природа связана, с одной стороны, с телом, а с другой – с душой. Поэтому разум, решая свои задачи, в действительности воплощает желания, за которыми скрываются, с одной стороны, телесные потребности, а с другой – душевные порывы и движения.

Обучаем ли разум, если исходить из таких представлений

о его природе? А что мы понимаем под обучаемостью? Если способность учитывать свои ошибки и изменять поведение, то разум не просто обучаем – он есть сама обучаемость. Он постоянно изучает внешний мир и осваивает его. Для этого он создает образы достижения целей и совершает поступки. Ошибившись, он меняет образы и создает новые. А затем делает новые попытки достичь желаемого. И так до победы.

Другое дело, что некоторые обучаются быстрее и легче. Некоторым же требуется так много попыток, что мы считаем их необучаемыми. Однако это лишь свидетельство низкой обучаемости, а не ее отсутствия. Само понятие обучаемости есть описание разума. В определенном смысле мой вопрос, обучается ли разум, неуместен.

Скорее, надо задаться вопросом: как происходит обучение разума? А еще лучше: как ускорить и улучшить обучение собственного разума?

Глава 7. Как обучать разум?

Слово «думать» содержит в себе основу «ум», как содержит ее и «разум». В отношении разума этимология вполне прозрачна: разымающий ум, то есть ум, делящий нечто цельное на части. Это вполне соответствует работе разума, который членит поток восприятия на куски, обрезая их, и превращает в образы. Что значит «думать»?

Вряд ли кому-нибудь удастся обоснованно доказать, что значит начальное «д». Однако при этом такая надежда есть, потому что слово это ощущается составным, и вполне воз-

можно, существует какое-нибудь праславянское или даже индоевропейское словосочетание из двух слов, вроде: делать умом или делать умничество, попросту работать умом. Думаю, последнее и есть подлинное определение понятия думать. А начальное «д», от какого бы слова оно ни осталось, на деле означает «делать», «производить работу».

И даже если за начальным «д» есть и иные смыслы, а они могли быть вплоть до магических, все же делание или работа тут бесспорны по очевидности. Поэтому, чтобы понять, что значит «думать», надо понять, что делает ум. Для этого нам не на что опереться, кроме языка, то есть народной мудрости. Все мировоззрения философов в данном случае ничего не стоят, потому что они пытались не понять ум, а домыслить. Впрочем, делать это они могли только на основании вполне бытового, народного понимания, имеющегося у них как у носителей языка.

Вероятно, более всех преуспел в действительном исследовании ума не Пифагор и не Гераклит, а Аристотель, описав его под именем Логоса. Правда, Логос Аристотеля и всех последующих логиков – это в большей части Разум, работающий с понятиями и суждениями. Ум остался там, где Гераклит говорил о нусе. Но говорил он слишком темно, так что никто так и не понял, что же такое нус...

Но ум явно присутствует в разуме. И мы точно знаем, что того, кто действует постоянно разумно, считают умным. Удерживать себя в разуме – это умно. Не выпускать на сво-

боду своего внутреннего зверя и не давать свободы телесным страстям – тоже. При этом если сравнивают то, как работал разум у двух людей, попросту говоря, как двое решают одинаковые задачи, то про одного скажут, что он умнее другого. Значит, ум превосходит разум.

Разум обеспечивает выживание. Он всего лишь орудие, которым пользуется как умный человек, так и дурак. Один лучше, другой хуже. Это странно, выглядит это так, будто ум и разум совсем разные вещи. Но при этом ум явно присутствует в разуме. Они должны быть одной природы.

В действительности ум и разум не имеют ничего общего. Вот такая загадка! Но вдумайтесь: если вам дали меч в ножнах, то выглядит это как нечто одно. Однако выньте меч – и у ножен не останется ничего общего с мечом. А у одежды – с человеком, который ее скинул. Вот и разум без ума становится кучей образов, которые сами по себе ничего не могут. Если человек сошел с ума или обезумел, то есть ума лишился – стал умалишенным, все образы разума и весь образ, именуемый разумом, остаются нетронутыми...

Поверхностное наблюдение не в силах этого рассмотреть. Но мы применили рассуждение, чтобы усилить наблюдение, и вот скрытая часть стала очевидной. Чтобы понять работу разума, необходимо видеть, что внутри него бьется живая струя ума, которая и являет себя в тех случаях, когда мы думаем, то есть совершаем работу ума. А что это за работа?

С очевидностью, она та же самая, что и у разума, ведь нет

разума без ума. Значит, каждый раз, когда разум работал не вхолостую и достигал успеха, решая задачу, ум был и работал. Но работал сквозь разум.

Уже из одного этого можно сделать вывод: ум может работать сквозь разум, а может и без него. Почему же он не работает без разума? Вопрос неуместный. Мы просто не обладаем необходимой культурой самонаблюдения, чтобы судить об этом. Мы даже не пытались наблюдать за тем, как в действительности работает ум. Мы не ставили перед собой такой задачи. Мы и за разумом-то нечасто наблюдаем.

Но если мы взглядемся в работу разума, то поймем, что он постоянно ищет, как исполнить наши желания. Если в это время они едины с умом, значит ум ищет того же. Только без ножен, то есть без образов. И это очень ценно, если принять, что душа есть, и ей приходится достигать своих желаний не только в нашем мире, а и там, где запомнить ничего не удастся. А значит, без образов.

Ум – исходная способность души, обеспечивающая ей достижение желаний. Что делает ум? Он, как и разум, ищет пути и способы. Но без образов. Как можно искать без образов? А как вы делаете это в темноте. Где невозможно увидеть и понять? Вы щупаете. Вы вытягиваете конечности и ищите, как можно протечь мимо плотностей, не разрушив тело.

Вот так и душа ищет свои пути в мире, где ничего нельзя запомнить, вытягивая этакие щупальца, ищущие пути и не дающие разрушить ее тело. Эти щупальца должны быть той

же плотности, что и само тело души, иначе они не определяют, что будет разрушительно для тела. И той же плотности, что и окружающие опасности, иначе они их не нащупают. И еще одно: они должны быть той же плотности, что и образы, иначе ум не смог бы превращаться в разум.

Все это свидетельствует, что мир души – это мир знаний, поскольку образы ничего, кроме знаний не содержат. А ум – это способность той среды, окружающей душу, что мы зовем сознанием. Точнее – это способность пары, как свойство, имеющееся до появления знаний в виде образов.

Очевидно, знание доступно душе и без образов, наверное, как изменения ее природы. Но хранить мы их можем лишь в виде образов сознания. Или в виде душевных следов. Но это нам пока ничего не дает. Пока важнее всего, что ум – это своего рода щуп, познающий окружающий мир и ищущий пути, которыми душа может достичь желаемого. Именно ум, осуществив восприятие, обретает знания. И может их сохранить, передав разуму. А может не хранить.

Но когда мы говорим об обучаемости, мы говорим либо о том, как улучшить работу ума, либо о том, как улучшить работу разума. И мы явно не в силах улучшать свой ум. Мы просто не понимаем ни его, ни как на него воздействовать.

Пока. По крайней мере, пока. Поэтому начать надо с простого: разобраться со своим разумом и убрать все, что мешает ему работать. Подучить его в тех случаях, когда это возможно и требуется. Но это всегда будут понятные и вполне

доступные задачи. Эти задачи уже решены кем-то до нас. И надо просто дотянуть свой разум до того уровня, который доступен человечеству. Но именно так и построено обучение в этом мире. Ничего нового – просто освоить опыт предшественников.

Если же мы хотим пойти дальше и научиться решать творческие задачи, нам придется покидать разум и уходить в ум. Значит, надо научиться нащупывать границы разума, а затем совершать некое усилие, которое выпихивает тебя в пространство ума. Потрясающая и потрясающе неясная задача. Однако ее решили уже тысячелетия назад, назвав этот способ йогой.

Глава 8. Имеющиеся находки

Разум работает на основе образа мира и внутри образа мира. Поэтому все действия разума в некотором смысле пространственны. Это первое, что следует исследовать. Самое малое, все задачи и все решения разума имеют пространственную окраску. В силу этого и сами орудия, то есть составные части разума, пропитаны пространством, хотя бы в том смысле, что в своей работе разум вынужден учитывать и преодолевать пространство. Начиная с собственного устройства.

Может ли это означать что-то с точки зрения обучения разума. Точного ответа у меня пока нет. Надо исследовать. Представим себе кабинет или рабочее место мастера. Оно тоже имеет пространственное устройство. Это значит, что все необходимое как-то расположено вокруг хозяина. И расположено оно либо удобно, либо нет. А это значит, что тебе либо приходится тратить лишние силы и время на поиск, либо все само прыгает тебе в руки. Одно это может оправдать поиск.

Начнем с памяти. Образ мира – это память. Хочешь легко решать задачи, выстрой память удобно. То, что память допускает пространственные игры, давно известно. В прошлом веке появились описания того, как запоминают мнемоники, то есть люди с повышенной способностью запоминания. Кто-

то из них рассказывал, что, запоминая, он как бы ходит по знакомому ему миру и прячет слова в знакомых вещах. А вспоминая, он не делает усилие, а просто идет гулять по тем же местам, и воспоминания сами выливаются на него из вещей.

Мы, безусловно, можем улучшить хранение образов разума. Тем более что у нас несколько видов памяти, и каждый знает, что память не всегда хороша. Она довольно часто подводит. Это настолько очевидно, что было замечено и осмысленно еще в древности, когда не было письменности и знания передавались изустно. Я не знаю, имели ли древние какие-то приемы собственно запоминания. Но одно мы знаем точно: они изобрели стихи.

Стихотворная форма хранения и передачи знаний явно улучшает память. Рифма в древности не использовалась. Работал ритм и различные виды повторов вроде припевов. Ритмика, а значит, и определенная длина строф просто заставляют память работать, если ты забыл нужное слово. Неверное слово просто не принимается стихотворным размером, оно наглядно, явственно не то, что должно быть.

Очевидно, этот прием может быть переосмыслен и для улучшения работы всего разума в особых случаях. Как и использование особых, тайных или магических языков. Таковыми языками владели не только воры и разбойники, но и все профессиональные сообщества. По крайней мере, этнография засвидетельствовала для нас наличие тайных языков у

многих ремесленных сообществ, включая нищих и конокрадов. Но чем отличается тайный язык от обычного?

Во-первых, конечно, своей значимостью. Значимость – это некое качество, которое почти вещественно добавляется к слову, а точнее к тому образу, который стоит за словом. И это второе, мимо чего нельзя пройти, если хочешь обучить разум работать лучше. Научиться правильно выстраивать пространство думания, научиться придавать значимость тому, что для тебя важно. Это немалая работа при обучении. Но это того стоит.

Однако те же тайные языки подсказывают, что существует еще одно искусство. Тот же сказитель былин, тот же деревенский колдун в быту – самый обычный человек, как рассказывают об этом былички. Но стоит ему взять в руки гусли или приступить к заговору, как он меняется сам и начинает звучать иначе. Сохранившиеся записи былин и обрядовых песен, определенно, примеры особого звучания. Про заговоры же постоянно говорится, что они либо шептались, либо говорились особо, либо пропевались. Точно так же былины сохранили воспоминания о каком-то «зычном голосе», которым вскрикивают герои в особых случаях. Такой же особый голос прорезается у плачей на похоронах и у охотников и пастухов при воздействии на зверей и животных. Особый голос – это не владение голосом. Особый голос возникает сам, если меняется состояние сознания. И это очень важная психологическая подсказка: чтобы иметь тайный язык,

нужно иметь особое пространство сознания, где он хранится. Это вещь довольно естественная. Многие слышали о том, что при попадании в чужую языковую среду сначала бывает очень трудно, а затем происходит какой-то переход, и ты вдруг осознаешь, что больше не переводишь иностранную речь, – ты ее просто понимаешь. Это и означает, что ты перешел в особое пространство, где больше нет своего родного языка, а есть только тот язык, на котором ты общаешься. И он там единственный.

Очевидно, что до этого у нас имеется только одно пространство сознания для языка. Затем ты начинаешь изучать иностранный язык и увязываешь слова родного с иностранными: это значит то. Увязываешь, как увязывал в детстве слова со смыслами. Но накопление смыслов рождает понятия, что значит позволяет раскрыть особое пространство сознания, где нет простых образов, а есть только образы обобщающие – понятия. Это значит, что создавать особые пространства сознания для нас естественно – это свойство разума.

Соответственно, вполне естественно выделяется в особое пространство и тайный или профессиональный язык. И само это пространство обретает качество значимости, и каждое из хранящихся в нем слов наделяется этим налетом значимости. Чем еще отличается такое особое пространство сознания от обычного? Тем, что в нем хранится уменьшенный язык. Но что такое язык, если вдуматься?

Язык – это сокращенный до знаков образ мира. Иначе говоря, это тот же образ мира в потенции, то есть не развернутый, но могущий быть развернутым. Раз язык наш может описать и сам мир, и любую ценность мира, и все действия, которые мы можем осуществлять, и всех тех, кто эти действия осуществляет, значит, образ мира в нем присутствует. А значит, присутствует все необходимое для работы разума.

Это очень важно: разум может работать на основе образа мира, а может на основе языка. Эта подмена им легко и естественно принимается. И человечество давно подметило такую возможность и тысячелетиями вкладывало труд в создание лучшего разума. В позапрошлом веке русский языковед академик Щерба проиллюстрировал эту способность разума, создав искусственное высказывание, не имеющее смысла, но легко принимающееся разумом: «Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка».

Щерба пытался на этом примере говорить о том, как работает язык. Как психолог, я вижу здесь не язык, а устройство и свойства разума. Он легко принимает, что может не знать значений отдельных слов, даже всех слов в предложении, но если связи между ними выстроены правильно с точки зрения языка, разум не сомневается в том, что это разумное высказывание.

Эти языковые связи внутри высказывания так же важны, как размер и ритмика высказываний. Благодаря им работа разума вводится в некие рамки, обеспечивающие качество

его работы. Следовательно, если мы выделим особое пространство сознания, где соберем особый язык и только правильные понятия о том, как надо думать, мы можем полностью перестроить разум.

Именно это и было сделано тысячелетия назад в Греции, когда Аристотель закладывал основы логики, в Индии, где нечто подобное проделали школы ньяи и вайшешики, и на протяжении Нового времени, когда европейские философы пытались создать чистую философию без психологизма. Все виды логик, а также математика – это все искусственные языки, за которыми предполагается образ мира, чтобы разум мог полноценно работать.

Языки эти ущербные, а скрывающиеся за терминами понятия не развернуты до действительных связей с миром. Поэтому логики по-настоящему и не работают. Но это у философов. Тайные языки профессиональных сообществ работали гораздо лучше, поскольку не брались объяснять весь мир, а всего лишь обеспечивали возможность делать дело, то есть решать разумно те ограниченные задачи, которыми жило общество.

Сокращение языка и создание особого пространства, где он работает – явно ценный прием, которому стоит обучиться.

Глава 9. Использование учебных пространств

Создание логик и тайных языков, создание любых наук есть примеры создания искусственных пространств сознания с ограниченными задачами и сведенным до знаков образов мира. Знаковые, то есть сокращенные образы мира все равно опираются на настоящий образ мира и исходят из него. Но делают это через слой-посредник вроде научных понятий, выложенных в виде терминов.

Такое сужение образа мира позволяет отсечь все лишнее, включая дополнительные смыслы, накапливающиеся за долгое существование за каждым словом. К тому же для решения частных задач вроде задач какой-нибудь науки, важно не совершенное соответствие действительности, а возможность выкладывать непротиворечивые рассуждения. Единственное условие: эти рассуждения должны быть достаточными по объему, чтобы решать задачи своей науки. Как пример: химия девятнадцатого века не учитывала физику и была верна, пока не дошла до того уровня, на котором без физики больше не может. После этого пришлось раздвинуть рамки науки и создать новый способ рассуждать о химии.

Так, во всех науках стоит задача настолько ограничить объем своего предмета, чтобы он был обзорим, а значит, доступен разумному рассуждению. И рассуждение это было

бы непротиворечиво, то есть позволяло находить решения задач науки, в которых нельзя обнаружить ошибок. Отсутствие ошибок в рассуждении считается первейшим признаком верности решения. В действительности, это самообман. Самые непротиворечивые утверждения или суждения логики могут быть ложью или ловушкой, если они не соотносятся с действительностью. Подобные парадоксы на века ставят логиков в тупик, как знаменитые апории Зенона или утверждение: один крестьянин сказал, что все крестьяне врут.

Без психологии логика мертва – это всего лишь языковая игрушка. Но она, как и математика, будит честолюбие ученых, возбуждая надежду, что либо приведет их к овладению магией, либо позволит описать причинный уровень действительности, что равносильно божественности.

Тем не менее, если сохранять разум здоровым и не заигрывать, что всего лишь создаешь оружие, то создание ограниченных пространств сознания может быть чрезвычайно полезным. Надо лишь принять, что все подобные пространства – либо орудия, либо учебные площадки для разума, что одно и то же.

Вот этому искусству стоит обучиться. И опять же у нас есть, на что опереться. Все детские игры – это опыты в том, как создавать учебные пространства сознания. Более того, любая игра – это ограниченный мирок, в котором строго заданы условия, то есть законы и образ мира. А также создан язык, иногда всего из нескольких слов, которых хватает для

решения игровых задач. Именно игры мы расширяем до логик и наук.

Чем важны и полезны игры? Тем, что они позволяют отработать какие-то дела или освоить часть мира в защищенных условиях. А затем вынести обретенные умения в большой мир. Так же и логику сначала изучают как таковую, а затем применяют к жизни, проверяя свои рассуждения. И любая наука однажды должна освоиться ученым, чтобы все лишнее отвалилось, а научность была унесена им в мир. Так психологи изучают научную психологию затем, чтобы однажды выкинуть весь наукообразный хлам и стать просто умными людьми в быту. Настоящие психологи – это бытовые психологи, которым удастся добиваться своих целей в жизни.

Вот этому и надо учиться. Не только тому, как создавать игровые и учебные пространства сознания, а значит, подбирать достаточный образ мира и законы для решения своих задач на знаковом уровне. Но и тому, как выносить освоенное за рамки искусственного мира в большой разум. И так менять его. Это и есть обучение разума, доступное нам.

Глава 10. Я умнее

Все проделанное мною описание условий, в которых происходит обучение думанию, необходимо, чтобы обнаружить в себе страстное желание быть умнее. Нам оно более знакомо в виде: быть умнее других. Но это только от отсутствия культуры самоосознавания и очищения. По мере того как ты убираешь личностные проявления, все ярче выступает и основная потребность – просто быть умнее.

Это не значит, что желание быть умнее других можно недооценивать. Скрытое за ним желание соревноваться с любыми другими носителями разума – великолепный Маговей, как говорили мазыки. Иначе говоря, злая мечта, которая при этом несет тебя к свету в верхний мир. Ее надо приручить и использовать, потому что именно она заставляет развивать и обучать свой разум.

Поэтому важнейший прием обучения думать вначале – это осознание желания быть умнее других и вкладывание в него усилий. Просто позвольте себе сражаться за то, чтобы быть умнее любого, с кем сталкиваетесь, и ваш разум тут же начнет изобретать приемы, ведущие к победе. Однако от первого уровня приемов придется отказаться. Первый уровень – это все, что позволяет не тебе стать умнее, а им – глупей. Показать, как глупы другие, безусловно, можно. И это даже поведет к победе. Но не к тому, чтобы стать умней.

Поэтому ваша культура самоосознания в деле обучения разума начинается с внимательного отслеживания любых позывов унижить, опустить ниже себя, выставить глупыми других. Это надо отмечать и останавливать, но не пресекать!

Если вы просто пресечете позыв выставить другого дураком, вы не воспользовались Маговеем, то есть упустили скрытую силу этого желания. Поняв, что другой делает глупость, можно этому порадоваться, поскольку радость вытащит силу из вашего душевного движения. Радость – это основа искусства извлечения силы. Но извлекая силу, ее нужно усвоить, а не растерять.

Поэтому радость надо скрыть и тут же начать искать, как воспользоваться найденной слабостью, чтобы показать свою силу.

Как можно воспользоваться слабостью другого, ясно: надо просто решить ту же задачу лучше, в идеале – великолепно. Поэтому вопрос, в сущности, сводится только к тому, как использовать эту задачу, чтобы показать силу своего ума. То есть решить ту же самую задачу иным способом.

Как только этот подход будет принят вами, ошибки других будут вызывать у вас радость не от их слабости и глупости, а от возможности что-то сделать великолепно. Это путь в мастерство, в большие художники. Мир вокруг вас начнет расцветать.

Но однажды вы можете встретить человека, который хо-

чет учиться и расти. И тогда вы можете поставить себе задачу обучать его. Тогда его ошибки и слабые решения будут вызывать радость не от того, что вы умнее, а от того, что можно сделать умнее и его. Так достигается радость чистого творчества. А обучение думанию становится не целью жизни, а самой жизнью, искрящейся и бурлящей.

Глава 11. Обучение в общем

В этой книге мне не осилить задачу написать о том, как обучаться думать, полноценно. Поэтому я делаю своего рода обзор тех тем, которые кажутся для меня важными. Многие я исключаю как очевидное или пока запредельное. Так, я не говорю о том обучении, которое ведут школьные учителя, считающие, что учат думать. И не пишу о том, что, чтобы научиться думать, надо обучать не только разум, но и ум.

Во всяком случае, я так предполагаю. Но я даже не могу уверенно говорить о том, обучаем ли ум вообще. Или же он своего рода данность, как способность видеть, и в силу этого мы не можем его менять, поскольку не можем воздействовать на собственную природу. Мы можем улучшать не способность природы, не свойство, а лишь собственную способность использовать это свойство.

Поэтому обучение и улучшение думания на деле оказывается работой с разумом. Вот его мы можем и улучшать, и менять. И можем очищать, убирая все лишнее. Лишнее же может мешать как работе самого разума, так и перекрывать способность разума пропускать или проявлять скрытый в нем ум. Да, мы пока не можем улучшать свой ум, но мы можем ему не мешать. А мы, думается мне, изрядно мешаем собственному уму проявляться.

Именно поэтому я хочу набросать общий обзор того, что

может мешать уму. И попытаться понять, чему стоит обучиться, чтобы ум проявлялся легче, а я думал лучше.

Итак, первое, что уже тысячелетиями считается главным врагом человечества, – это страсти. Как говорили в старину, страсть спалила ум человеку. Действительно ли страсти ухудшают наш ум?

Вопрос не такой уж однозначный. Что такое страсть? Часто под этим понимают сильные чувства вроде любви или ненависти. Однако в основе всех страстей-чувств скрываются сильнейшие желания. Желание – это именно то, что обслуживает и разум, и ум. Они – орудия достижения желаний. Считать, что желания могут вредить работе ума, – некая несуразность. Они – часть устройства думания.

Тем не менее когда желания становятся страстями, они затопляют ум, как говорится, и человек совершает ошибки. Если исходить из того, как оценивают ум человека другие люди, как бы умен он ни был, переход в состояние страсти считается потерей ума. Как говорили древние: Юпитер, ты гневаешься, значит, ты не прав!

Может ли бог быть не прав, сказать трудно. Возможно, божественный гнев – тоже очень правильное состояние. Не зря же у тибетцев существуют Гневные божества. Но в данном случае люди через иносказание дали оценку человеческому гневу, имея в виду, что даже самый умный человек теряет ум вместе со спокойствием. Собственно говоря, поговорка: месть – это блюдо, которое подают холодным, – о том же.

Уже одних этих наблюдений достаточно для того, чтобы принять за данность: неважно, доступно ли нам прямое воздействие на ум, но научиться не вредить его работе мы можем. И в первую очередь, – поняв, как удерживать внутреннее спокойствие. Конечно, для создания научного подхода к этому необходимо понять, что такое страсти, а значит, что такое чувства и желания. Но даже без этого, на чисто бытовом уровне каждый сам знает, как удерживать внутренний покой.

Каждый знает этот покой, каждый его терял и каждый делал усилия, чтобы удержать. А значит, имеет опыт наблюдений за тем, как страсть заполняет его сознание и как мутнеет разум и теряется ум. И каждый может, даже без создания полноценной научной теории, просто поставить себе задачу научиться думать спокойно. И это уже сработает в изрядной мере.

После этого можно будет подумать и о науке, потому что это усилие научить себя думать спокойно, замечать возникающие возмущения и успокаивать их, даст необходимые наблюдения над предметом исследования. Накопив наблюдения, можно задуматься и о полноценном научном осмыслении.

Потеря покоя, а точнее развитие способности удерживать ту среду, в которой происходит думание, спокойной и возвращать покой, если он утратился, это первая прикладная задача Науки думать.

Вторая задача – это упорядочивание разума. Научиться перестраивать свой разум, во-первых, так, чтобы он не путался и не попадал в тупики – значит сократить его работу до минимума, чтобы разум мог как можно быстрее исчерпать свои возможности и открыть двери уму.

Точнее, разум должен либо справляться с появляющимися задачами своими средствами легко и точно, либо он должен не зависать над нерешаемой задачей, а открываться для ума. И этому точно стоит учиться.

Стало быть, разум надо перестроить, чтобы в нем не было мест, где образы так запутаны, что может произойти бессмысленное зависание, так сказать, холостая работа разума.

Во-вторых, через игры и создание учебных пространств его надо научить решать все те задачи, которые ты избрал считать для себя обыденными. Эти обыденные задачи могут быть не только домашними, но и профессиональными. И они тоже требуют думать. Но думание это происходит в рамках того, что так или иначе уже имелось в нашем опыте и может быть найдено в имеющихся у разума образах.

И последнее: нужно научиться чувствовать, когда разум исчерпывает свои возможности, чтобы переходить из него в ум.

Обучиться этому вполне возможно, поскольку разум без образов не существует. Значит, у нас есть то, по чему мы можем судить, находимся ли мы еще в пространстве разума, совершая усилие по достижению желаемого. Если мы еще в разуме, то ведущийся им поиск добывает из глубин сознания

новые образы. Эти образы не подходят, не являются решениями, но они новые. И значит, разум еще думает.

А вот когда образы начали повторяться, разум думать перестал – он просто перебирает свои запасы. Это видно, это ощущается почти телесно. И это надо научиться чують и распознавать сходу.

А затем совершать усилие по включению ума. Просто переходить к поиску решения без имеющихся образов. Как это делается, сходу не объяснишь. Но мы все имеем такой опыт и умеем это. Все наше детство, когда разума еще не было и пока он был неполноценным, мы отработывали это искусство.

Поэтому главной помехой перехода в ум является наша лень, наша жалость к себе, которая пытается защитить нас от совершения усилий. Усилие думания – это самое ценное, что дарит нам жизнь в воплощении. Усилие надо ценить и научиться им наслаждаться.

Правда, разум неохотно уступает свое место уму и усилие наше часто оказывается тщетным. Поэтому человечество придумало искусство обуздания. Но это особый разговор.

Заключение

Однажды мы достигаем состояния, в котором внешние помехи больше не имеют значения, а радость и наслаждение от работы собственного разума становится бурлящей и превращается в смысл жизни.

Это значит, вы освободились от общества, вырвались из зависимости и можете жить в обществе или без него, наслаждаясь самим разумом. Теперь вы можете ставить себе самые сложные задачи и надеяться на победу. Внешние помехи больше не имеют над вами власти.

Но внешними помехами враги разума не исчерпываются. Именно тогда, когда ничто извне тебя не отвлекает, ты начинаешь понимать, насколько твой верный разум непослушен и неподвластен тебе. Он, как дикий конь, которого ты случайно оседлал, несет тебя по своей прихоти... Вот теперь начинается настоящая борьба.

Выводы

Мы живем вполне уверенными в том, что умеем думать и владеем собственным разумом – ведь мы можем направить его на что угодно. И это верно, но!..

Ох уж эти но! Направить мы можем, но можем ли там удержать? Удержав, пусть недолго, успеваем ли мы решить это? Баран ведь тоже удерживает взгляд на новых воротах, но в недоумении. Кроме того, только ли я могу направлять свой разум, или у него множество хозяев, почему разум и живет своей жизнью?

Йога предлагала развить в себе способность сосредоточения, не только направляя и удерживая свой разум на какой-то задаче, но еще и углубляя это состояние. Умеем ли мы это?

Очевидность, что для углубления своих способностей, сознание надо очистить и остаться в нем единственным хозяином. Но даже после этого сама природа разума оказывается плохо управляемой. При определенной культуре самонаблюдения, начинаешь отчетливо видеть: разум решает те задачи, которые нужны для моего выживания. Большая часть из них поставлена перед ним мною. Но, поставив их, я как бы теряю власть над разумом: теперь он решает эти задачи, несмотря на то, что хочу я. Правда, такие задачи хотя бы можно отменить. Но вот задачу обеспечения выживания отменить не

удаётся. Можно сунуть голову в петлю и спрыгнуть со стула, но если в этот миг твои друзья ворвутся в комнату, взорвав дверь, ты произвольно обратишь на них внимание, с вопросом: не опасно ли это?

Когда долго исследуешь, как разум обеспечивает наше выживание, появляется подозрение, что эту задачу ему ставил либо не я, либо я, но еще до воплощения. Как отменять подобные способы приложения сил, когда упорствуешь в сосредоточении? Похоже, в данном случае мы сталкиваемся с необузданностью самой природы разума.

Кроме того, существуют и другие вопросы. Например, с разумом ли, вообще, надо работать? Может быть с сознанием, умом или вниманием? Этот вопрос совершенно не проработан в науке и древние тоже плохо в нем преуспели. Даже знаменитое определение йоги: йога – читта вритти ниродха – созданное Патанджали, переводят множеством способов, не вдаваясь в то, к какой природе прикладывать усилия...

В этой книге я попытался перечислить явления, с которыми сталкиваешься, когда выходишь за рамки очищения сознания или описания разума. Что-то из названного мною было бы полезно освоить или подчинить. Но все это будет бесполезным, если не стать полным хозяином самому себе.

Поэтому главные выводы просты: нужно понять свою природу и обуздать ее, то есть накинуть узду на бешеного коня, который рвется из тебя, и сделать его управляемым. Обуздание – вот стоящий предмет исследования.